

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА.

По достовернымъ источникамъ составлена по Высочайшему
повелѣнію.

Сочиненіе генералъ-майора М. Богдановича.

Французская революція нанесла окончательный ударъ феодальному элементу, уже ослабленному трехъ-вѣковыми усиліями европейской жизни, выработала для этой жизни новую основу гражданственности, равенство передъ закономъ, устранившее прежнее различіе въ правахъ по вѣроисповѣданію, по племенному происхожденію, измѣнила и самыя понятія о дѣли общественной дѣятельности. Но, при своемъ появленіи, революція встревожила умы, испугала нравственное чувство европейскаго общества насиліями терроризма, а при концѣ поприща грозила міру военнымъ деспотизмомъ наполеоновой имперіи.

Такой печальный исходъ переворота, совершившагося, по видимому, во имя совершенно другихъ началъ, обусловился самымъ характеромъ революціи и свойствами французской націи, представительницы современнаго движенія. Токвиль справедливо замѣчаетъ большое сходство въ явленіяхъ, сопровождавшихъ французскую революцію, съ ходомъ религиозныхъ революцій новыхъ временъ: подобно исламу, политическое движеніе XVIII вѣка имѣло своихъ представителей и мучениковъ, свои фанатическія арміи, какъ новое ученіе, оно привлекло къ себѣ умы новизною формы и идеи, и этому сочувствію обязана революція первыми успѣхами своей вооруженной пропаганды.

Безъ упорной и продолжительной борьбы со старыми порядкомъ не могъ совершиться политическій переворотъ, приведшій къ измѣненію основнаго началъ общественнаго строя Западной Европы; а передовая нація, по характеру смелая и честолюбивая, вовлеченная этою борьбою въ непрерывныя войны, должна была рано или поздно подчиниться диктатурѣ того либо нѣкакого республиканскаго генерала. Военный гений Наполеона, его героическій характеръ, энергія и дѣятельность, такъ нельзя болѣе, соответствовали качествамъ народнаго вождя. Французскіе въ старожоніяхъ ихъ съ европейскими правительствами.

Новая монархія, возникшая на развалинахъ феодальной Франціи, получила въ наслѣдство отъ революціи и ея влияние на народныя массы и могущественныя ихъ средства, раздробленныя прежде по сословіямъ, корпораціямъ и отдѣльнымъ кружкамъ въ государственномъ организмѣ. Въмѣсто вербованныхъ и наемныхъ войскъ, составлявшихъ вооруженную силу правительствъ XVIII вѣка, — силу, по своему положенію, чуждую и враждебную остальному населенію государства, Наполеонъ располагалъ арміями, вышедшими изъ народа, уступившаго имъ свои лучшіе элементы, — арміями, имѣвшими своимъ резервомъ цѣлую націю, на электризованную борьбою за свободу и побѣдами итальянскихъ и нѣмецкихъ походовъ.

Подъ предлогомъ защиты Франціи отъ нападений извнѣ, началъ Бонапартъ рядъ завоеваній, раздвинувшихъ предѣлы имперіи до Адриатическаго моря и устьевъ Везера и Эльбы. Старинная вражда между Англіею и Франціею сдѣлалась новымъ поводомъ къ насиліямъ на континентѣ.

Во время революціи, конституціонная и аристократическая Англія сдѣлала враждебно за стремленіями французской націи, участвовала во всехъ составившихся противъ нея коалиціяхъ, а въ періодъ имперіи, слѣдуя преданіямъ политики Вильгельма III, начала борьбу на жизнь и смерть съ возраставшимъ могуществомъ Франціи.

Въ ненависти Наполеона къ Англіи слились и національная неприязнь Французовъ къ опасной соперницѣ, и вражда къ народу, противодействовавшему тогдашней завоевательной политикѣ къ Франціи, и личная вражда Бонапарта къ свободнымъ учрежденіямъ Англіи; а потому онъ готовъ былъ принести всевозможныя жертвы для достиженія предполагаемой цѣли — уничтожить

враждебную націю. Онъ не остановился ни передъ уступкою французскихъ северо-американскихъ колоній Соединеннымъ Штатамъ, ни передъ континентальною системою, которая вела къ разобщенію Европы.

Всего важнѣе, въ 1811 году, Наполеонъ, казалось, былъ близокъ къ достиженію этой послѣдней цѣли: Италія, Голландія, итальянскіе имперскіе города составляли французскіе департаменты; владѣтельные князья Германскаго Союза, кромѣ Виртембергскаго, Баваріи, Саксоніи были послушными вассалами Наполеона; Пруссія была подавлена; Австрія, обезсиленная прошлыми войнами, играла роль подчиненной союзницы Франціи. На высшей величій и власти, павшихъ Европѣ, по преданіямъ времени Карла Великаго, французскій императоръ не замѣчалъ постепеннаго фазгорованія къ нему вражды поработенныхъ народовъ. Не только наполеониды, но и нѣмецкіе владѣтели, преданные императору, держались на своихъ шаткихъ престолахъ французскими штыками до перваго событія, которое бы способствовало взрыву народнаго негодованія.

Такимъ событіемъ была война 1812 года. Россія, въ эпоху первой имперіи, была послѣднимъ оплотомъ государственной независимости на континентѣ. Этою независимостью и обуславливалось наше влияние на поработенныя европейскія народности, которымъ, во враждебномъ столкновеніи Наполеона съ нашимъ правительствомъ, видѣли единственную надежду на свое освобожденіе отъ французскаго яга.

Удачною войною съ нами, Наполеонъ, въ свою очередь, разсчитывалъ устранить послѣднія препятствія къ осуществленію собственныхъ идей о французскомъ преобладаніи, ослабить и подчинить ему государство, которое, по единству народа и обширности границъ, соприкасающихся на западъ и югъ съ славыными племенами, обладаетъ всѣми данными для огромнаго значенія въ судьбахъ восточной Европы.

Ни испанская война, ни континентальная система не обвѣщали такой рѣшительной и быстрой развязки современнаго вопроса.

Для того собиралъ Наполеонъ громадныя силы для предстоящей войны: изъ числа болѣе милліона войскъ, составившихъ вооруженную силу Французской имперіи, 600,000 образовали большую армію, которая, въ томъ 1812 года, торгнулась въ наши предѣлы.

Но здѣсь всѣ элементы войны были неблагоприятны Французамъ.

Въ разладѣ между устарѣлыми формами общественнаго устройства и новыми стремлениями народной жизни заключалась одна изъ главныхъ причинъ успѣховъ Французскаго оружія въ времена республики и первой имперіи. Въ другихъ отношеніяхъ находилась Россія къ современнымъ идеямъ на западѣ по прѣшествовавшимъ историческимъ условіямъ своего существованія.

Только въ началѣ XVIII столѣтія Московское царство вошло въ составъ европейскихъ державъ и приняло, подѣ влияніемъ нѣмецкихъ идей того вѣка, новыя формы правительственнаго устройства. Внутренній бытъ народа мало улучшился, при крутомъ поворотѣ русской жизни, медленно разстававшейся съ азіатскими обычаями и византийскимъ влияніемъ, не призванной и живымъ административнымъ порядкомъ къ самостоятельному развитію.

Западное влияніе, въ концѣ XVIII вѣка, отразилось преимущественно на верхнемъ слоѣ нашего общества и отбѣлило его отъ той массы народа, которая, крѣпостнымъ правомъ и отсутствіемъ грамотности, была совершенно отчуждена отъ европейскихъ понятій. Могуція силы и энергія нація, при упомянутыхъ обстоятельствахъ и сословной раздѣльности, не находили себѣ исхода: эти-то силы сосредоточило и возбудило противъ себя нашествіе Наполеона въ 1812 году, затронувшее религіозныя и патріотическія инстинкты молодого народа. Онушение и насилие — спутники нашествия — воодушевили всю Россію однимъ чувствомъ ненависти къ врагу, не ослабѣвшемъ подѣ всѣми ударами военной грозы: послѣ Смоленска, Бородины и оставленія Москвы, Русскіе не думали о мирѣ съ Наполеономъ; народъ только подымался на борьбу; продолжительное отступленіе отъ Нѣмана къ Тарутину не поколебало духа войскъ, отставившихъ независимость отечества.

Въ разнородномъ составѣ непріятельской арміи не могло быть того нравственнаго единства, которое, при завоевательныхъ войнахъ, даетъ иногда средства преодолевать затрудненія, происходящія отъ климата, недостатка продовольствія и другихъ обстоятельствъ, ожидающихъ войска въ непріязненной странѣ. Къ тому же, громадная численность большой арміи выходила изъ всѣхъ возможныхъ размѣровъ при заготовленіи средствъ къ ея существованію на театрѣ дѣйствій, а обширныя и рѣдко на-

селенныя пространства Россіи должны были довести эту армію до истощенія силъ, независимо отъ потерь ихъ въ сраженіяхъ.

Такимъ образомъ, шестимѣсячная кампанія 1812 года окончилась совершеннымъ пораженіемъ Французовъ и отступленіемъ остатковъ большой арміи за Нѣманъ и Вислу.

Въ 1813 году, германское движеніе привело нѣмекія и русскія войска на Рейнъ, въ 1814 г., на берега Сены, гдѣ охлажденіе чувствъ Французовъ къ правительственной системѣ первой имперіи имѣло результатомъ занятіе Парижа и возвращеніе Бурбоновъ во Францію.

Паденіемъ Наполеона начинается новый періодъ политической жизни Европы: революціонная сила, сдѣлавшая его распорядителемъ судебъ западно-европейскихъ правительствъ, оставила Наполеона съ той минуты, какъ онъ измѣнилъ революціонному призванію. Политика, привязывавшая къ императору итальянскихъ и южно-германскихъ владѣтелей, сила, сдерживаемая Пруссіею, матеріальное могущество Французской имперіи и нравственное вліяніе личности Бонапарта на народы и правительства, преданная армія и военный гений, — всѣ эти грандіозныя опоры владычества, въ теченіе трехъ лѣтъ, были опрокинуты напоромъ народной волны, не оставившей на берегу и обломковъ разрушеннаго зданія. Дѣло деспотизма и его личныхъ интересовъ было проиграно въ Европѣ: Священный Союзъ и наступившее послѣ него реакціонное время не могли поглотить стремленій европейской жизни, создать прочныя основы къ самостоятельному развитію національностей, заявившихъ грозные протесты противъ посягательства на ихъ политическую самостоятельность.

По всѣмъ этимъ причинамъ, война 1812 года имѣетъ историческое значеніе не только для Русскихъ, но и для цѣлой Европы. Рядъ иностранныхъ сочиненій, появившихся въ различное время, съ различными и часто пристрастными взглядами на событія, не могъ изобразить ихъ въ настоящемъ свѣтѣ безъ участія нашей военно-исторической литературы.

До послѣдняго времени оффиціальными представителями ее по этому предмету были труды Бутурлина и Михайловскаго-Данилевскаго. Оба эти сочиненія, различныя по характеру, но имѣющія полное понятіе о войнѣ 1812 года и ея значеніи въ жизни русскаго народа, могутъ быть употреблены въ виду исправит-

Г. Бутурлинъ имѣлъ въ виду исправить по русскимъ источни-

Камь факты, относящиеся до военных дѣйствій, описаны не лиш пристрастно рассказанные въ иностранныхъ сочиненіяхъ, но добросовѣстно выполнили свою задачу. Но обративъ многократно внимание на маневрированіе армій и происходившія между ними столкновенія, онъ не объяснилъ участія, принятаго народомъ въ войну, характеристики русскихъ войскъ и значенія партизанскихъ дѣйствій. Авторъ писалъ, очевидно, подъ влияніемъ современнаго ему односторонняго направленія стратегіи, стремившагося создать общую теорію веденія войны, основанную только на изслѣдованіи мѣстныхъ данныхъ театра дѣйствій, относительно численности армій и условій, которымъ подчиняются передвиженія войскъ въ продолженіе кампаніи.

Въ предисловіи къ своему «Описанію Отечественной войны», г. Михайловскій-Данилевскій обѣщалъ не ограничиться одними военными дѣйствіями, а объяснить внутреннюю жизнь Россіи въ эту эпоху и значеніе войны для государства. Сущность взгляда автора на эти предметы заключается въ слѣдующемъ: современный политическій вопросъ приводился къ тому — «быть ли царствамъ самостоятельнымъ, или превратиться всѣмъ европейскимъ странамъ въ одну общую страну, съ одною общею столицею Парижемъ? оставаться ли древнимъ царственнымъ поколѣніямъ на своихъ вѣковыхъ престолахъ, или уступить ихъ родоначальникамъ новыхъ монархій — маршаламъ Наполеона и морсианскимъ выходцамъ? признавать ли законность престолѣвъ, какъ преемствующую отъ власти Божіей, или отбросить ея спасительное вѣрованіе и взирать на вѣнды царей, какъ на добычу, доступную праву силы?» (Опис. Отеч. войны, изд. 1849 г. т. I стран. 151.) «Внутренняя жизнь Россіи въ 1812 году, получила направленіе и душу изъ одного источника — императора Александра I». (Тамъ же, предисл. стр. XIII.)

Говоря о народномъ возстаніи противъ непріятеля, авторъ обращалъ исключительное вниманіе на обоюдную жестокость нашихъ поселенъ и французскихъ мародеровъ, а успѣхъ войны относилъ къ энергіи правительственныхъ дѣйствій, помощи свыше и талантамъ Кутузова.

Въ сочиненіи г. Богдановича, мы встрѣчаемъ попытку представить вѣрную и полную картину Отечественной войны.

Исполненіе этой темы имѣетъ особыя, ей свойственныя трудности. Обходя уже тѣ изъ нихъ, преодолѣть которыя не въ общѣ автора, замѣтимъ, что новѣйшая исторія Россіи не только не раз-

работана, но даже нѣтъ изданнаго свода матеріаловъ по этому предмету, за исключеніемъ подлаго собранія нашихъ законовъ.

Безусловно, оффиціальныи характеръ сочиненія значительно облегчилъ трудъ г. Богдановича, открывъ ему доступъ къ источникамъ, которые не пользуются у насъ гласностію и безъ помощи которыхъ нельзя писать исторіи; но съ другой стороны, взглядъ на исторію такъ измѣнился, въ теченіе послѣднихъ двадцати-пяти лѣтъ, что, приступая къ историческому изслѣдованію, приходится совершенно разстаться не только съ понятіями, вынесенными о немъ со школьной скамьи, но и развившимися въ послѣдствіи, подъ влияніемъ недавнихъ авторитетовъ науки. Мы говоримъ здѣсь о значеніи, которое приобрѣла, въ историческомъ соображеніи, народная жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ: біографіи правительственныхъ дѣятелей, внѣшнія отношенія государствъ, являясь на второмъ планѣ, получаютъ совсѣмъ иной смыслъ по отношенію ихъ къ народной жизни; но разработка этого существеннаго элемента исторіи, кромѣ тяжелаго труда и обширныхъ знаній, требуетъ взгляда, свободнаго отъ общественныхъ предрассудковъ, свѣтлаго пониманія инстинктовъ массы и теплаго къ нимъ чувства.

Въ описаніи Отечественной войны, самыми главными, по нашему мнѣнію, вопросами являются влияніе политическаго нашего устройства и народнаго духа на характеръ и ходъ войны и слѣдствія ея для государства и русской жизни: изображеніе военныхъ дѣйствій составляетъ важную, но не исключительную задачу цѣлаго труда.

Ибо устройство военнаго элемента въ государствѣ всегда находится въ тѣсной связи съ его организмомъ, а качество войскъ — съ духомъ народа и его цивилизаціею. Еще въ концѣ прошлаго вѣка говорилъ объ этомъ Лейбъ; но его идеи не привлекли тогда къ военнымъ, воспитавшимся подъ влияніемъ прусскихъ понятій XVIII столѣтія о своемъ искусствѣ.

Во всемъ, что было сказано до сихъ поръ относительно объективнаго направленія исторической критики, мы старались выяснить современный взглядъ науки и основанія, которыми должны руководиться, при ознакомленіи съ характеромъ сочиненія г. Богдановича.

Въ предисловіи къ нему, авторъ указываетъ, между прочимъ, на отличительныя черты своихъ изслѣдованій. Онѣ заключаются въ объясненіи: а) происхожденія и постепеннаго развитія перво-

начальнаго плана дѣйствій русскихъ войскъ, при отбѣженіи ихъ отъ границъ имперіи, б) средства къ снабженію войскъ обѣихъ сторонъ военными и продовольственными средствами, в) устройства ополченій и пожертвованій, сдѣланныхъ ми сословіями въ 1812 году, и подробностей по изложенію родной войны и партизанскихъ дѣйствій. Кромѣ того, въ сочиненіи излагаются многія неизвѣстныя доселѣ свидѣнія о свиданіи въ Або Императора Александра съ наследнымъ принцемъ шведскимъ и возмущеній въ западныхъ областяхъ имперіи. Авторъ общаетъ подробное описаніе сраженій и славныхъ подвиговъ, *совершенныхъ не только главными лицами, но и другими участвовавшими въ этой войнѣ, а также состава войскъ, съ полною отчетливостію, какаѣ была возможна.*

Мы воспользуемся въ послѣдствіи этими данными, а теперь обратимся къ политическому отдѣлу «Исторіи Отечественной войны», въ которомъ развиваются отношенія Россіи къ первой Французской имперіи, и къ насильственному положенію Западной Европы, вслѣдствіе преобладанія тамъ правительственной системы Наполеона.

«Въ началѣ нынѣшняго столѣтія—пишетъ авторъ—Императоръ Александръ и Наполеонъ сдѣлались властителями великихъ монархій. Никто не могъ предвидѣть тогда, что имъ предстояло, въ борьбѣ между собою, рѣшить судьбу всей Европы. Александръ, отъ самой колыбели предназначенный къ порфирѣ, любимый внукъ великой Екатерины, видѣвшей въ немъ счастливую надежду Россіи,—Александръ, прекрасныя черты котораго выражали земное величіе и небесную благость, кроткій, обожаемый своими подданными, началъ свое царствованіе словомъ мира, прекратилъ борьбу съ Англіею и остался въ дружественныхъ отношеніяхъ съ ея неприятелями. Наполеонъ, счастливый воинъ, проложившій мечемъ себѣ путь къ престолу, казалось тогда, довольствовался лаврами, пожатыми въ Италіи и въ отдаленномъ Египтѣ. Постигнувъ, силою генія, многотрудную науку владычества, онъ, въ нѣсколько лѣтъ, изгладилъ слѣды бурной революціи, возстановилъ владычество религій, далъ силу законамъ, примирилъ Францію съ Англіею и Турціею. Но благодѣтельное стремленіе Наполеона къ подвигамъ добра вскорѣ уступило мѣсто ненасытному властолюбію; геній, увлекаемый страстями, презрѣвъ свое высокое призваніе, устремился къ преобладанію въ Европѣ.

«Въ пространствѣ власти и владычія Франціи на содѣйствіе ея страны, съ самаго начала наполеоновой имперіи, сопровождалось увѣреніями въ твердой рѣшимости ея повелителя уважать права прочихъ владѣтелей.

Положеніе Россіи, разобщенной отъ Франціи обширнымъ пространствомъ, обезпечивало наше отечество отъ враждебныхъ возмущеній Наполеона; но Императоръ Александръ, разгадавъ замыслы властителя Франціи, рѣшился заранѣе предупредить ихъ. Вѣрнѣйшимъ къ тому средствомъ было образованіе союза независимыхъ государствъ Европы. Англія, угрожаемая посягательствомъ политической самобытности, волнуемая опасеніемъ высадки наполеоновыхъ легионовъ на берега британскіе, составила первое звено коалиціи, къ которой пристали Россія и Австрія. Союзники надѣялись на содѣйствіе прусскаго правительства; но Пруссія, несмотря на увѣженія Императора Александра, осталась нейтральною, выжидая, въ бездѣйствіи, послѣдствія борьбы за независимость Европы. Война эта была неудачна: австрийская армія, выдвинутая къ Ульму, лишенная чрезъ то возможности усилиться вовремя русскими войсками, положила оружіе почти безъ боя, а вспомогательная армія Кутузова, уступая каждый шагъ цѣною крови, совершила отступленіе отъ Инна въ Моравію, гдѣ войска русскія, поставленныя въ безвыходное положеніе, неосновательными распоряженіями нашихъ союзниковъ, потерпѣли пораженіе при Аустерлицѣ. Австрія, совершенно потерявъ надежду на успѣхъ дальнѣйшаго сопротивленія Наполеону, поспѣшила заключить миръ въ Пресбургѣ, на весьма тяжелыхъ для нея условіяхъ.

«Въ продолженіе этой войны, возникли недоразумѣнія между французскимъ и прусскимъ правительствами. Завоеватель, не признавая никакихъ правъ, кромѣ права сильнаго, оскорбилъ Пруссію движеніемъ бернадотова корпуса чрезъ Аншпахъ, одно изъ прусскихъ владѣній. Государство, поставленное на высокую степень геніемъ Фридриха Великаго и процвѣтавшее подъ отеческимъ управленіемъ короля Фридриха-Вильгельма III, не могло снести кровной обиды. Вся Пруссія огласилась кликомъ: къ оружію! Императоръ Александръ направилъ къ Вислѣ русскія войска. Казалось, воспоминаніе побѣдъ, одержанныхъ Австріянами, заодно съ Русскими, при Требиш и Новѣ, должно было побудить вѣнскій кабинетъ къ новому возстанію противъ Наполеона; но австрийское правительство, въ свою очередь, не ото-

звалось ни на убъжденія Императора Александра, ни на просьбы единоплеменныхъ сосѣдей. Наполеонъ воспользовался слабостію Австріи и неосторожнымъ расположеніемъ пруссійскихъ войскъ. На поляхъ Іены и Ауэрштедта въ одинъ день совершено было величественное, но удручлившее созданіе великаго Фридриха. Почти вся Пруссія завоевана была въ нѣсколько дней. Но, вслѣдъ за тѣмъ, наполеоновы полчища встрѣтили самое рѣшительное сопротивление. Въ битвахъ при Пултускѣ и Прейсишъ-Эйлау положено было начало военному братству двухъ великихъ народовъ. Победы, одержанныя Наполеономъ, обошлись ему дорого, а суровый климатъ надолго замедлилъ успѣхи французской арміи. Это былъ первый намекъ нестойкой фортуны любимцу своему. Наполеонъ понялъ его и, несмотря на рѣшительную победу при Фридрихс-Фельдѣ, поспѣшилъ заключить миръ съ Императоромъ Александромъ. Причина побудившая Россію къ миру, была не потеря сраженія при Фридрихс-Фельдѣ, а отказъ великобританскаго министерства въ диверсіи англійскихъ войскъ на берега Сѣверной Германіи либо Франціи и въ субсидіяхъ, которыя тогда требовало наше правительство. Тильзитскій миръ, въ отношеніи къ Россіи, вовсе не былъ выраженіемъ условий, предписанныхъ побѣдителемъ побѣжденному. Въ Тильзитѣ, прежніе враги, лично узнавъ другъ друга, сдѣлались друзьями. Императоръ Александръ обладалъ искусствомъ овладѣвать душою и сердцемъ всякаго, съ кѣмъ доводилось ему имѣть дѣло; а Наполеонъ могъ оказывать сильное вліяніе на воспримчивую ко всему необыкновенному душу Александра I. Гений блага и гений войны сошлись во всѣхъ своихъ видахъ. Пруссія, уже обреченная гибели Наполеономъ, была спасена по настоянію Императора Александра.

«Но, несмотря на то, что тильзитскій миръ былъ необходимъ для возстановленія вооруженныхъ силъ Россіи, ослабленныхъ кровопролитною борьбою на западѣ съ Франціею и на югѣ съ Персіею и Турціею, несмотря на приобрѣтеніе Бѣлостокской области и Финляндіи, бывшее послѣдствіемъ этого мира, онъ не порадовалъ сердца Русскихъ. Тильзитскій миръ былъ заключенъ подъ вліяніемъ пораженія, понесеннаго нами при Фридрихс-Фельдѣ, потому не могъ не оскорбить народной гордости Русскихъ. Поэтому же, видя притѣсненія, которымъ подвергались прочія державы отъ гордаго завоевателя, мы страшились, чтобы тяготящая надъ нами рука его не простерлась на насъ съ такими же

домогательствами и притѣзаніями; а послѣдующіе поступки Наполеона не только не разсѣяли тягостнаго впечатлѣнія, произведеннаго на Россію тильзитскимъ миромъ, но оправдали наши опасенія. Съ благоговѣніемъ, съ покорностію мы приняли миръ, дарованный намъ Императоромъ Александромъ, но въ глубинѣ души остались врагами Французовъ и скорбѣли о разрывѣ съ Александромъ.»

Для ознакомивъ читателя, приведенною выпискою, со взглядомъ автора на политическія событія, предшествовавшія тильзитскому миру, мы замѣтимъ, что вообще изложеніе отдаленной исторіи Отечественной войны, гдѣ развиваются отдаленныя и ближайшія причины этого столкновенія между Россіею и Наполеономъ, не можетъ знакомить насъ съ характеромъ эпохи и органическою связью приводимыхъ фактовъ, такъ что рассказъ повременамъ отражаетъ только внѣшнюю сторону событій, посредствомъ перенятой войны, трактатовъ и конвенцій между правительствами.

Всѣ эти предметы представляютъ въ практической жизни результаты извѣстныхъ отношеній между государствами; но такіе результаты вырабатываются развитіемъ внутренней жизни народа, выражающей въ различные періоды общими стремленіями и духомъ времени, а потому прежде всего является необходимостью ознакомить читателя съ этимъ двигателемъ событій, при изображеніи какаго либо историческаго эпизода.

Конечно, личный произволъ властителя Франціи, во время первой имперіи, игралъ важную роль въ политическомъ мирѣ; но громадныя успѣхи завоевательныхъ замысловъ Наполеона, а потомъ его паденіе обусловились, какъ мы имѣли случай замѣтить, стремленіями европейской жизни, такъ что объясненія отношеній къ нимъ наполеоновой политики даютъ историкъ какому, безъ которой нельзя представить живой и отчетливой картины такой замѣчательной эпохи.

Подобнымъ новымъ свидѣніемъ и добросовѣстному выбору фактовъ, составляющимъ отличительную черту изслѣдованій г. Богдановича, мы прослѣдимъ, въ бѣглому обзорѣ, главнѣйшіе поводы къ войнѣ 1812 года и остановимся только на выводахъ, о которыхъ не раздѣляемъ мнѣнія автора.

Такъ, по своей вѣроятности, официальные выраженія тильзитскаго трактата объ уступкѣ Наполеономъ Фридриху-Вильгельму III Восточной Пруссіи, Силезіи, Помераніи и Бранденбургіи (en consideration de l'empereur des Russies) послужили

основаніемъ къ заключенію, что помощь России спасла Европу въ 1807 году. Условія мирнаго договора между этою державою и Франціею, отъ 9 іюля 1807 года, не оправдываютъ ни одного положенія, ибо Пруссія потеряла по упомянутому трактату половину своей территоріи, $4\frac{1}{2}$ милліона жителей изъ числа милліоновъ, составлявшихъ ея населеніе, крѣпости на Эльбѣ вынуждена была согласиться на уплату 112 милліоновъ франковъ контрибуціи; содержать въ своихъ областяхъ часть французскихъ войскъ до полной ликвидаціи долга и уменьшить армию до 40,000 человекъ.

Изложеніе политики Пруссіи въ 1805 г. и Австріи въ 1809 году нуждается въ объясненіи стариннаго соперничества о первенствѣ въ Германіи этихъ двухъ нѣмецкихъ государствъ, — соперничества, которое началось со второй половины XVIII вѣка, а въ періодъ революціонныхъ войнъ, по заключеніи базельскаго мира, въ 1795 году, окончательно раздѣлило Германію на двѣ партіи.

Владѣтели Южной Германіи сблизились съ австрійскимъ правительствомъ, а Сѣверной — съ прусскимъ. Австрія, какъ извѣстно, постоянно оставалась равнодушною къ интересамъ своихъ союзниковъ и, жертвуя ими при каждой неудачной войнѣ съ Франціею, утвердила этимъ ея влияние на всю Южную Германію. При этихъ обстоятельствахъ, Пруссія, озабоченная собственнымъ значеніемъ на сѣверѣ, ошибочно рассчитывала дать ему прочныя основанія сохраненіемъ нейтралитета при австро-французскихъ войнахъ, и потому не приняла участія въ событіяхъ 1805 года, а въ 1806 году, въ свою очередь, лишилась содѣйствія Австріи, ослабленной и уstraшенной предшествовавшею войною съ Наполеономъ.

Далѣе, говоря о томъ, что тильзитскій миръ не произвелъ благоприятнаго впечатлѣнія на наше общество въ 1807 году, авторъ упоминаетъ, что миръ этотъ принятъ былъ въ Россіи съ благоговѣніемъ и покорностію, хотя въ глубинѣ души мы оставались врагами Французовъ и оскорблены о разрывѣ съ Англіею.

Полагаемъ, что, какъ только неограниченный монархъ Австріи, Императоръ Александръ, счелъ необходимымъ примириться съ Наполеономъ, никто въ имперіи не могъ ни отвергать, ни принимать дарованнаго мира; слово же благоговѣніе употреблено авторомъ при объясненіи чувствъ, съ которыми встрѣченъ былъ миръ съ Наполеономъ, какъ-то странно противорѣчить затѣмъ

ной складѣ къ Французамъ, о которой упоминается въ слѣдующихъ строкахъ.

Сорбъ по поводу разрыва съ Англіею также не могла быть у насъ общею, народною: такой симпатіи къ Англіи, въ то время не существовало. Свѣтлая сторона государственнаго устройства англійской націи ускользала отъ понятій большинства русскаго публики, высшая же эгоистическая политика Англіи не могла привлечь къ себѣ сочувствія нашего общества.

Жалѣли о разрывѣ съ Англіею торговый классъ и лица образованнаго слоя нашего общества, опасавшіеся, что внезапное потрясеніе торговыхъ сношеній Россіи можетъ невыгодно подѣйствовать на внутреннее благосостояніе страны; но и здѣсь мнѣнія о мирѣ не были единодушны. Многие увлекались выгодами, которыя обѣщала союзъ съ могущественною Франціею. На его сторонѣ были вліятельныя въ то время лица, и въ главѣ ихъ тогдашній министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Румянцевъ. Простой же народъ, вынося на своихъ плечахъ тяжесть политическихъ невгодъ, оставался, вѣроятно, одинаково расположеннымъ къ Англичанамъ и Французамъ, смѣшивая ихъ въ одномъ родовомъ понятіи о Нѣмцахъ.

Съ окончаніемъ войны 1809 года съ Австріею и со вступленіемъ въ родственныя связи съ габсбургскимъ домомъ, Наполеонъ приблизилъ свои отношенія къ Россіи, считая себя достаточно сильнымъ, чтобы поставить ее въ положеніе подвластнаго ему государства. Политика эта выразилась отказомъ ратифицировать конвенцію, предложенную нашимъ правительствомъ по вопросу о сульбѣ Польши, присоединеніемъ къ Французской имперіи, въ 1810 году, Голландіи, Валезскаго кантона, герцогства Ольденбургскаго и всего побережья Нѣмецкаго моря отъ нижняго Везера до Эльбы, безъ предварительныхъ сношеній по этимъ предметамъ съ Императоромъ Александромъ I.

Совершенно такой же характеръ имѣли вѣдѣтельства французскаго правительства въ наши торговыя дѣла. По заключеніи тильзитскаго мира, Россія приняла континентальную систему, какъ и вѣру враждебную Англіи, но не отказалась отъ торговли съ нейтральными государствами. Несмотря на уменьшеніе вывоза сырыхъ произведеній, невыгодное состояніе торговаго баланса и упадокъ вексельнаго курса, правительство наше строго исполнило статьи тильзитскаго трактата, имѣя въ виду, поддер-

жанием доброю согласіемъ съ Наполеономъ, облегчить приращеніе Финляндіи на сѣверѣ, Молдавіи и Валахіи на югѣ.

Французскій императоръ не въправѣ былъ требовать отъ насъ уступокъ въ пользу континентальной системы отъ государства независимаго и вполнѣ самостоятельнаго. Измѣненіе правилъ, установленныхъ для поддержанія континентальной системы, и новыя мѣры къ дальнѣйшему ея развитію, которыя Наполеонъ считалъ необходимыми по ходу обстоятельствъ, не были вовсе обязательными для нашего правительства. Оно могло принять или отвергнуть предложенія французскаго министерства безъ нарушенія существующаго трактата, смотря по тому, насколько эти предложенія касались внутренняго благосостоянія страны. Такимъ образомъ, совершенное исключеніе изъ русскихъ гаваней нейтральныхъ судовъ, введеніе трианоновскаго тарифа, составляющія сущность новыхъ домогательствъ Наполеона, имѣли бы своими слѣдствіями прекращеніе морской торговли и окончательное разстройство нашихъ финансовъ.

Протестъ Императора Александра по ольденбургскому вопросу и отклоненіе амбашательства Франціи въ наши торговля дѣла повели Наполеона къ вооруженіямъ, угрожающимъ Россіи; вмѣстѣ съ тѣмъ, и наше правительство приступило къ приготовленіямъ на случай войны съ Франціею. Въ началѣ 1812 года, неизбежность столкновенія между имперіями сдѣлалась очевидною для всѣхъ европейскіхъ правительствъ, а потому мы обратились къ объясненію отношеній Пруссіи и Австріи къ обѣимъ враждебнымъ сторонамъ.

Первая изъ этихъ монархій, въ это время, была окружена съ трехъ сторонъ непріятельскими войсками, расположенными на низовьяхъ Эльбы, въ Саксоніи и въ герцогствѣ Варшавскомъ, содержала въ трехъ крѣпостяхъ своихъ сильныя французскіе гарнизоны и потому, при разрывѣ между двумя могущественными сосѣдями, не могла остаться нейтральною. Сочувствіе народа и правительства было на сторонѣ Россіи; но время для обнаруженія истинныхъ намѣреній націи еще не наступило, хотя Пруссія въ 1812 году была далеко не похожа на Пруссію 1807 года, отстаивавшую свою независимость небольшимъ корпусомъ войскъ, подъ начальствомъ Лестока, при русской арміи Блюхера.

По заключеніи тильзитскаго мира, начаты были работы по преобразованію во внутреннемъ устройствѣ государства, которы-

ми было продолжено преимущественно Штейну и Шарнгорсту. Остатки феодальнаго времени — крѣпостное право, сословныя привилегіи, стѣснительныя для развитія народной жизни, отмены, армія получила совершенно новую организацію.

Вмѣстѣ отъівною вербовки и прежней системы набора съ сельскихъ общинъ, единственнымъ способомъ комплектованія войскъ была конскрипція; вмѣстѣ съ тѣмъ, тѣлесныя наказанія для низшихъ чиновъ уничтожены по закону 1808 года и всѣмъ отдаленъ одинаковый доступъ къ достиженію офицерскаго званія.

Постоянная армія, которой сила, по тильзитскому трактату, должна была превышать 42,000 человекъ, представила кадры, чрезъ которые проходило ежегодно почти такое же число рекрутовъ, съ окончаніемъ этого срока возвращавшихся на родину и послужившихъ къ образованію національныхъ резервовъ ландвера, основы настоящей прусской военной системы.

Еще въ концѣ 1808 года, когда Австрія вооружилась для рѣшительной борьбы съ Наполеономъ, окончившейся ваграмскою битвою, Пруссія готова была принять участіе въ войнѣ противъ Франціи. Штейнъ и Шарнгорстъ, стоявшіе тогда во главѣ управленія, думали возбудить въ Германіи общее возстаніе противъ Наполеона и, въ союзѣ съ Англіею, сдѣлать рѣшительную попытку къ сверженію французскаго ига. Участіе и содѣйствіе Россіи было однимъ изъ главныхъ условій успѣха предложеннаго плана: надѣялись воспользоваться влияніемъ Императора Александра на эфуртскихъ конференціяхъ для удаленія изъ прусскіхъ предѣловъ значительной части французскіхъ гарнизоновъ и, пользуясь этимъ обстоятельствомъ, собрать ландверъ, укомплектовать войска и, посредствомъ 100,000 арміи, дать рѣшительный перевѣсъ союзникамъ надъ силами Наполеона; значительная часть конхъ была занята испанскою войною.

Предположеніе это не было исполнено: Россія находилась въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Франціею, кромѣ того вела войну на сѣверѣ и югѣ, съ Швеціею и Турціею, и потому прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ III, безъ помощи отъ Императора Александра, не рѣшился подвергнуть участію собственной династіи случайностямъ новой войны. Вмѣстѣ затѣмъ, Штейнъ былъ удаленъ отъ дѣлъ, и образовано новое министерство, менѣе склонное къ разрыву съ Франціею.

Съ окончаніемъ войны 1809 года съ Австріею, Наполеонъ не скрывалъ своего враждебнаго расположенія къ прусскому пра-

вительству и, казалось, только быждать благоприятнаго случая для уничтоженія политическаго существованія государства, принимая опасность своего положенія, прусскій король отпрѣдилъ въ июль 1811 г., генерала Шарнгорста въ Россію, съ предложеніемъ заключить союзный оборонительный договоръ. Фридрихъ Вильгельмъ III думалъ, что, при готовившемся разрывѣ русскаго правительства съ Франціею, рѣшимость Пруссіи побудить Императора Александра, отложивъ виды на присоединеніе къ Россіи Молдавіи и Валахіи, заключить миръ съ Оттоманскою портою и двинуть къ западнымъ границамъ все вооруженныя силы имперіи. Сближеніе съ Австріею, могущее послѣдовать затѣмъ, обезпечивало Пруссію, по идеѣ короля, отъ новыхъ опасностей со стороны французской политики и потому способствовало бы къ сохраненію мира на континентѣ.

Планъ этотъ не удался, такъ же, какъ и предложенное королевемъ посредничество въ спорахъ между Россіею и Франціею; а, между тѣмъ, отношенія Пруссіи къ Наполеону сдѣлались еще болѣе затруднительными.

На границахъ государства сосредоточивались массы французскихъ войскъ, безъ всякаго объясненія отъ императора назначенія этихъ сборовъ. Прусскій министръ Гарденбергъ, желая выяснитъ положеніе, отвѣчалъ на запросъ французскаго посланника о причинахъ производившихся тогда вооруженій въ нѣкоторыхъ областяхъ, что король рѣшился предпочесть гибель съ оружіемъ въ рукахъ постыдному бездѣйствію въ столь критическихъ обстоятельствахъ. Въ случаѣ же ручательства Наполеона въ цѣлости прусскихъ владѣній, предложено было приступить къ союзу, составленному имъ противъ Россіи.

Долго ожидаемый отвѣтъ французскаго правительства полученъ былъ въ концѣ января 1812 г., въ Берлинѣ. Французскій императоръ требовалъ отъ Пруссіи содѣйствія 20,000 корпусомъ въ предстоящей войнѣ, обязательства не дѣлать никакихъ сборовъ войскъ, пока великая армія будетъ находиться въ прусскихъ владѣніяхъ, значительныхъ поставокъ для французскихъ корпусовъ, при движеніи ихъ черезъ Пруссію, въ счетъ суммъ, не уплаченныхъ этимъ государствомъ Франціи, по обязательствамъ тильзитскаго трактата. Въ случаѣ успѣха войны съ Россіею, обещано было увеличитъ владѣнія Пруссіи.

Ближайшіе совѣтники короля, по поволу требованій Наполеона, раздѣлились во мнѣніяхъ. Шарнгорстъ и его партія

преимущественно военная, была въ пользу тѣснаго союза съ Россіею; другіе, и въ числѣ ихъ Гарденбергъ, держались консервативной политики и предпочитали остаться, хотя временно, на сторонѣ Франціи. Положеніе короля было затруднительно. Онъ не довѣрилъ искренности французскаго правительства и понималъ, какъ раззорительно будетъ для государства движеніе чрезъ него всей массы наполеоновой арміи. Но, съ другой стороны, Даву уже занялъ Померанію, Гюденъ съ 16,000 шель отъ Магдебурга къ Берлину. Нравственное впечатлѣніе, произведенное на всю Европу громадными средствами, собранными Наполеономъ для предполагаемаго нашествія, могло поколебать твердость государя болѣе рѣшительнаго, чѣмъ былъ Фридрихъ-Вильгельмъ III. Все это заставило его согласиться на предлагаемыя условія и подписать союзный договоръ.

Что же касается до австрійской политики, то мы приведемъ сначала объясненіе ея дѣйствій, сдѣланное авторомъ.

«Безъ всякаго сомнѣнія, австрійское правительство могло оставаться нейтральнымъ, не принимая участія въ борьбѣ двухъ державъ, изъ которыхъ одной было обязано за неоднократное содѣйствіе ея въ войнахъ, а съ другою соединено союзомъ Наполеона и дочери австрійскаго императора. Но Австрія въ политическихъ отношеніяхъ своихъ, не руководилась никогда ни рыцарскими чувствами благодарности за оказанныя услуги, ни родственными связями своихъ государей. Убѣдясь на собственномъ опытѣ въ непобѣдимости Наполеона, австрійское правительство не сомнѣвалось въ торжествѣ его надъ Россіею и не смѣло отказать ему въ содѣйствіи своемъ; съ другой стороны, допустивъ возможность неудачи Наполеона, нетрудно было предвидѣть, что собственные выгоды императора Александра должны были заставить его, въ случаѣ успѣха дѣйствій противъ Наполеона, искать союза съ Австріею.

На основаніи такихъ соображеній, въ послѣдствіи оправдавшихся на самомъ дѣлѣ, императоръ Францъ счелъ выгоднѣе дѣйствовать въ союзѣ съ Наполеономъ противъ Россіи, нежели оставаться нейтральнымъ.»

Мы не совсѣмъ согласны съ выводомъ автора и полагаемъ, что Австрія не могла оставаться нейтральною въ борьбѣ Наполеона съ Россіею. Этотъ вопросъ былъ такъ поставленъ французскимъ императоромъ, что австрійскому правительству приходилось или объявить ему войну, перейдя на сторону Россіи,

или, оставаясь въ союзѣ съ Франціей, участвовать въ ея предпріятіи.

Финансы Австріи были разстроены, войска не готовы къ войнѣ, а потому союзъ съ нами представляя однѣ опасныя обязательства не обещалъ за нихъ въ будущемъ вѣрныхъ вознагражденій. Еслибъ даже Франція была вынуждена обстоятельствами открыться на нейтралитетѣ Австріи, то она справедливо могла опасаться возбудить къ себѣ недолюбіе Наполеона и полатиться за это остатками своего политическаго значенія, въ случаѣ успѣшнаго окончанія войны императора съ Россіей.

Австрийское государство составилось изъ земель, принадлежащихъ различнымъ народностямъ, на основаніи феодальныхъ понятій о правахъ владѣтельныхъ домовъ на обладаніе извѣстною территоріальною собственностию, одолжено своимъ значеніемъ въ Европѣ не внутреннему развитію одной націи, а чисто вѣдшимъ условіямъ пространства, количества народонаселенія и собираемыхъ съ него доходовъ.

Поэтому съ тѣхъ поръ, какъ идея Германской имперіи и права габсбургскаго дома осуществить эту идею въ качествѣ германскихъ императоровъ были разрушены французскою революціею и самимъ Наполеономъ, стремленія шведской націи къ самостоятельности и сверженію французскаго ига были интересами, совершенно чуждыми австрийскому правительству, заботившемуся исключительно объ удержаніи въ покорности разнороднаго населенія государства. Для борьбы съ Наполеономъ Австріи пришлось бы воевать во имя независимости національностей отъ иноземнаго ига, разбудить энергію подвластныхъ племенъ, на что правительство, подобное австрийскому, не можетъ никогда рѣшиться, и потому оно, въ 1811 г., уклонилось отъ содѣйствія Пруссіи къ восстановленію независимости, а въ 1812 году было въ союзѣ, хотя довольно двусмысленно, съ Франціей. Союзъ этотъ, не представляя опасности, обещалъ не только вознагражденіе за убытки, сопряженные съ войною, но такое увеличеніе владѣній, какъ сказано было въ трактатѣ, которое послужило бы памятникомъ искреннаго союза между французскимъ и австрийскимъ императорами.

Удивляетъ насъ также упрекъ, сдѣланный Австріи за то, что она никогда, въ политическихъ отношеніяхъ своихъ, не руководилась родственными связями своихъ государей.

Было время, когда родственныя отношенія владѣтелей иг-

рали въ политикѣ ихъ первостепенную роль: въ удѣльный періодъ Россіи и въ феодальный на западѣ. Тогда воевали и мирились въ слѣдствіе личныхъ интересовъ князей и герцоговъ, смотрѣвшихъ на государство какъ на принадлежащую имъ вотчину. Давно уже измѣнился этотъ взглядъ, развились понятія о международныхъ сношеніяхъ на болѣе рациональныхъ началахъ и хотя правительственные дѣйствія обуславливались иногда родственными связями въ XVIII и даже XIX столѣтіяхъ, но въ мнѣніяхъ и въ дѣйствіяхъ правительствъ, такъ и общества такіе случаи считались не основательно исключеніями, могли быть фактами, но не основательно побужденіями вѣдшей государственной дѣятельности.

Въ то время, когда вся Западная Европа, за исключеніемъ Испаніи и Англіи, была на сторонѣ Наполеона, Россія вела войну съ Турціею, не примирилась еще съ Англіею и переговоры вѣдывалась съ Швеціею. Слѣдствіемъ этихъ переговоровъ было заключеніе съ этою державою, 24 (5) марта 1812 г., союза, скрѣпленнаго свиданіемъ, въ августъ того же года, въ Або Императора Александра съ наслѣднымъ принцемъ шведскимъ (Бернадотомъ). Авторъ посвящаетъ цѣлую главу (т. II, гл. XVI), подъ заглавіемъ «Свиданіе въ Або», развитію дружественныхъ отношеній между обоими государствами, и, объясняя ихъ исключительно съ точки зрѣнія личныхъ отношеній короля Карла XIII и Бернадота къ Императору Александру, придаетъ слишкомъ большое значеніе союзу, дозволившему 11,000 русскихъ войскъ, изъ числа находившихся въ Финляндіи, принять участіе, въ концѣ сентября 1812 г., въ дѣйствіяхъ корпуса Витгейштейна на Двинѣ противъ Удино и Сентъ-Сира.

Съ окончаніемъ Сѣверной войны, шведское правительство могло убѣдиться на дѣлѣ въ невозможности сохранить положеніе первенствующаго государства на сѣверо-востокѣ Европы, которымъ Швеція до тѣхъ поръ одолжена была единственно медленному развитію русской цивилизаціи. Съ потерю большей части своихъ владѣній, лежавшихъ на противоположныхъ Скандинавскому полуострову берегахъ Балтійскаго моря, Швеція вошла въ положеніе морской державы, ибо полоса, соединяющая на сѣверѣ полуостровъ съ континентомъ, не представляетъ удобствъ для вѣдшихъ сношеній. Обративъ свою дѣятельность на развитіе торговли и внутренней производительности, Швеція, съ потерю, въ 1809 г., Финляндіи, стремилась исключительно къ обезпеченію собственныхъ границъ, прикрытыхъ на востокѣ и

югъ водами Балтійскаго моря, Каттегата. Не на западъ, а съ стороны Скандинавскихъ горъ, лежала Норвегія, принадлежавшая съ XIV ст. Даніи. Приобрѣтеніе единоплеменной Норвегіи было единственнымъ раціональнымъ вознагражденіемъ Швеціи за недавнія ея утраты, открывало скандинавской торговлѣ Нѣмецкое море, усиливало естественныя границы государства и доставляло ему независимое положеніе.

Наполеонъ не могъ согласиться на отдѣленіе Норвегіи отъ союзной и преданной его интересамъ Даніи: желая побудить шведское правительство къ войнѣ съ Россіею, онъ предлагалъ въ вознагражденіе Финляндію, отклонивъ всякую надежду въ благоприятствѣе видамъ Шведовъ на Норвегію. Выбѣсъ съ тѣмъ, континентальная система и вражда къ Англіи противорѣчили основнымъ побужденіямъ шведской политики, а насильственные дѣйствія Наполеона не оставляли другаго исхода для Карла XIII, какъ сближенія съ Россіею при разрывѣ между Императоромъ Александромъ и французскимъ правительствомъ.

Въ 1810 г., Наполеонъ принудилъ Швецію объявить Англіи войну, ввести у себя трианоновскій тарифъ, принять въ Готенбургѣ французскую таможенную стражу; шведскія суда, не снабженныя лиценціями, барки, нагруженныя съѣстными припасами и издѣліями шведскихъ фабрикъ, захватывались Французами въ Зундѣ, подъ предлогомъ, что онѣ назначались для отправки въ Англію; наконецъ Шведская Померанія и о. Рюгенъ были заняты, въ февралѣ 1812 г., 15,000 французскимъ корпусомъ.

Даже открытая война съ Франціею не поставила бы шведскаго правительства въ болѣе затруднительное положеніе, пока оно не опасалось враждебныхъ дѣйствій со стороны Россіи, и шведскій и англійскій флоты прикрывали ея предѣлы отъ покушеній Французовъ.

Основаніемъ союзнаго договора, подписаннаго въ С.-Петербургѣ 24 марта между Швеціею и Россіею, было со стороны сей послѣдней обязательство содѣйствовать шведскому правительству въ приобрѣтеніи Норвегіи. По конвенціи, заключенной, 18 уполномоченными союзныхъ державъ, графами Румянцевымъ и Левенгольмомъ, предполагалось высадить 25,000 корпусъ русскихъ войскъ на южный берегъ Сканин, съ тѣмъ, чтобы, вмѣстѣ съ шведскими войсками, открыть наступательныя дѣйствія противъ Даніи. Если это государство не согласится на уступку Норвегіи, то предположено завоевать Ютландію, а потомъ прис-

ступить къ исполненію обязательствъ упомянутаго трактата, заключенныхъ, со стороны Швеціи, въ сильной доверсіи на берегахъ Сѣверной Германіи русско-шведскими войсками противъ Наполеона и его союзниковъ.

На другой день, послѣ подписанія договора, наследный шведскій принцъ, находясь съ нашимъ государемъ въ Або, сдѣлалъ предложеніе отправить часть русскихъ войскъ изъ Финляндіи на усиленіе корпуса Витгенштейна. «Вашъ поступокъ распрасень отвѣчалъ государь: — но я не могу принять вашего предложенія: если я это сдѣлаю, какимъ образомъ вы получите Норвегію?» — «Если успѣхъ будетъ на вашей сторонѣ, предложу принцъ:—я получу ее.» — «Вы сдержите ваше обѣщаніе. Если же вы будете побѣждены, Европа подвергнется порабощенію.»

Изложеніемъ побудительныхъ причинъ союза Швеціи съ Россіею, мы имѣли въ виду показать, что такое сближеніе было непремѣннымъ условіемъ тогдашняго положенія шведскаго правительства. Выгоды государства, а не безкорыстное стремленіе раздѣлить съ Россіею опасности славы войны съ порабощителемъ Европы, руководили дѣйствіями шведскаго правительства. Въ послѣдствіи принца Бернадота мы признаемъ умный и тонкій политическій расчетъ, а не рыцарское увлеченіе, которое видитъ авторъ и потому говоритъ: «что Россія не можетъ забыть дружескихъ отношеній его (Бернадота) къ Императору Александру, въ то время, когда почти всѣ европейскіе владѣтели, волею или неволею, держали сторону Наполеона».

Сближеніе съ Швеціею ускорило примиреніе наше съ Англіею при посредничествѣ Бернадота, а вліяніе на Порту обѣихъ державъ способствовало къ заключенію мира съ Турціею въ Бухарестѣ, 16 мая 1812 года, по которому она уступила намъ Бессарабію съ крѣпостями Измаиломъ, Киліею, Акерманомъ и частью Молдавіи на лѣвой сторонѣ Прута съ крѣпостями Хотиномъ и Бендерами.

Мы не будемъ сдѣлать за авторомъ въ ходѣ дипломатической переписки и переговоровъ, продолжавшихся между нашимъ правительствомъ и Наполеономъ до самаго начала войны, ибо эти сношенія не привели ни къ какому результату, и обратимся теперь къ очерку военныхъ приготовленій, сдѣланныхъ враждующими сторонами для предстоявшей борьбы.

Усиленіе гарнизоновъ въ Данцигѣ и въ крѣпостяхъ на Оде-

рѣ: Штетинѣ, Кюстринѣ и Глаугу, вмѣстѣ съ наборомъ въ 1811 году, 210,000 конскриптовъ для пополненія арміи и флота, въ началѣ приготовленій Наполеона къ походу въ Россію, къ концу этого года, до 130,000 французскихъ войскъ собраны въ Сѣверной Германіи. Они, въ короткое время, могли бы усилены 100,000 войскъ Рейнскаго Союза.

Артиллерійскіе парки, стоявшіе прежде въ Аугсбургѣ и Ульмѣ, перевезены въ Данцигъ, Глаугу, Кюстринѣ и Штетинѣ. Основаніемъ для *большой арміи* обязанствовало служить 70,000 корпусъ Даву, представлявшій собою, по собственному выраженію маршала, военную колонію. При немъ сформированъ былъ обозъ для возки 25-дневнаго количества провіанта; въ каждой ротѣ были свои портные, сапожники, каменщики, хлебопеки и оружейники; кромѣ того, предполагалось снабдить войска Даву, для пережола зерноваго хлѣба, ручными мельницами.

Всѣ владѣтели Рейнскаго Союза и Понятовскій, намѣстникъ саксонскаго короля въ Варшавскомъ герцогствѣ, получили приказаніе держать свои войска въ полной готовности къ выступленію, а принцъ Евгенийъ, въ Итали, къ переходу черезъ Альпы. Эта армія, въ числѣ 60,000, составлена была изъ французскихъ полковъ, стоявшихъ въ Неаполитанскомъ королевствѣ, Ломбардіи и Иллири, и усилены 20,000 собственно итальянскихъ войскъ. Только 4 и 5 баталіоны упомянутыхъ полковъ, вмѣстѣ съ неаполитанскою арміею Мюрата, остались для охраненія Итали. Гвардія и польскія войска двинулись изъ Испаніи на присоединеніе къ большой арміи.

Французскій императоръ, желая еще болѣе расширить свои приготовленія къ войнѣ и создать громадныя резервы для своихъ армій, объявилъ на военномъ положеніи все мужское населеніе Франціи, которое, подъ именемъ національной стражи имперіи, было раздѣлено на 3 разряда (bans). Къ нимъ причислены были, смотря по возрасту, люди, оставшіеся свободными отъ ежегодной конскрипціи. Болѣе 100,000 изъ перваго разряда національной стражи поступили, въ 1812 году, въ распоряженіе французскаго военнаго министерства.

Общая численность войскъ Наполеона, со включеніемъ континентовъ Рейнскаго Союза, армій итальянской, неаполитанской, герцогства Варшавскаго, 20,000 прусскаго и 30,000 австрійскаго вспомогательныхъ корпусовъ, простиралась, въ 1812 г., до 1,180,000. Изъ нихъ 608,000 чел. составили большую

армію, изъ 604 баталіоновъ, 530 эскадроновъ, съ 1,242 орудіями полевой и 130 осадной артиллеріи. (Пѣхоты было до 492,000, кавалеріи 96,000, войскъ осаднаго парка, инженерныхъ и фурштатскихъ до 20,000. Лошадей строевыхъ и обозныхъ до 180,000.) Въ составъ арміи находились войска: французскія, ломбардскія, иллирійскія, тосканскія, неаполитанскія, голландскія, австрійскія, прусскія, баварскія, виртембергскія, саксонскія, вестфальскія, швейцарскія, гессенъ-дармштатскія, бергскія, мекленбургскія, испанскія, португальскія и польскія.

Армія была раздѣлена на 12 пѣхотныхъ и 4 резервныхъ кавалерійскихъ корпуса, кромѣ императорской гвардіи и вспомогательныхъ частей (*).

Сосредоточеніе такихъ массъ не могло обойтись безъ крайняго напряженія Франціи, подвластныхъ ей государствъ. Какъ отяготительны были эти непрерывныя наборы для Французовъ, объясняется тѣмъ, что число конскриптовъ, уклонившихся отъ своихъ обязанностей и скрывавшихся въ горахъ и дѣсахъ родины, не безъ участія въ томъ мѣстнаго населенія, простиралось до 60,000 чел. Наполеонъ, въ 1811 г., составилъ особыя подвижныя колонны, проходившія страну въ различныхъ направленіяхъ, для поимки бѣглецовъ. Жестокое обращеніе командъ, составленныхъ изъ старыхъ солдатъ, съ жителями было одною, полагаемъ мы, изъ немаловажныхъ причинъ охлажденія къ императору сельскаго населенія, — охлажденія, отозвавшаяся такъ сильно въ 1814 году.

Крѣпость Данцигъ была главнѣйшимъ пунктомъ, въ которомъ сосредоточивались продовольственныя и военные запасы. Часть ихъ собиралась также въ Торнѣ и Модлинѣ (700,000 центнеровъ пшеницы, огромное количество овса и всего сѣна, которое можно было добыть, свезены были въ магазины Данцига). Въ этомъ же городѣ, построены были два новыхъ понтонныхъ парка (въ 100 понтонвъ каждый), заготовлены канаты, якоря и желѣзные матеріалы для постройки третьяго моста, а для сооруженія постоянныхъ мостовъ, оковки для свай, копры для вко-

(* Для болѣе ясной, мы приведемъ, помѣщенный авторомъ въ приложеніи, перечень войскъ, вступившихъ въ Россію въ теченіе войны въ 1812 года. При главной квартирѣ Наполеона 4,000, императорская гвардія 47,000, двѣнадцать пѣхотныхъ корпусовъ, въ числѣ 415,500 чел.; четыре резервныхъ кавалерійскихъ корпуса — 40,000, осадные парки и фурштаты 21,500, маршевыя части и пѣхота, сформированныя въ Литвѣ, 80,000, Всего 608,000 человекъ.

лачиванія ихъ и прочія принадлежности, которыя должны были слѣдовать на фурахъ, везомыхъ 2,000 лошадей.

Для перевозки продовольственныхъ запасовъ вслѣдъ за мѣю служили 15 фуришгартскихъ баталіоновъ, 4 баталіона охотничьихъ повозокъ и 5 баталіоновъ воловьихъ фуръ. Они назывались для переноса двухмѣсячнаго количества провіанта на 200,000 человекъ. Для сплава провіанта и фуража изъ Данцига въ наши предѣлы, слѣданы были распоряженія по устройству навигаціи по Вислѣ до Эльбинга, оттуда чрезъ Фришгафъ къ Кенигсбергу, далѣе вверхъ по Прегелю до Тапау, по Дейме въ Куришгафъ и къ Мемелю и наконецъ вверхъ по Нѣману до Ковно и по Вилии до Вильно.

Въ Кенигсбергѣ и по Нижней Вислѣ учреждены постоянные госпитали на 20,000 кроватей.

Продовольствіе строевыхъ и подъемныхъ лошадей Наполеонъ думалъ обезпечить позднимъ открытіемъ кампаніи, съ появленіемъ въ поляхъ подпожнаго корма.

Но всѣ эти мѣры оказались тщетными для продовольствованія полумилліона войскъ, при тѣхъ огромныхъ пространствахъ, которыя приходилось имъ проходить до нашихъ границъ, а по вступленіи на театръ войны — при недостаточности средствъ самаго края. Большая армія, двигаясь чрезъ Восточную Пруссію и Варшавское герцогство, оставляла позади себя страну совершенно истощенную; ибо войска, совершившія дальній походъ изъ Италіи и съ Рейна, не могли иначе существовать, какъ на счетъ пройденныхъ ими областей. Огромные обозы, при дальнемъ пути и дурныхъ дорогахъ, загромождали ихъ завязнувшими или брошенными повозками и конскими трупами. Погонщики изъ жителей страны большею частію разбѣжались. Въ замѣтъ ихъ, пришлось брать строевыхъ людей, что, съ перваго шага къ нашимъ границамъ, значительно ослабило армію.

Французскія войска, перейдя Нѣманъ, двигались по Литвѣ въ массахъ отъ 200,000 до 150,000 чел., отчего только часть ихъ могла слѣдовать по большимъ дорогамъ, а остальные шли по испорченнымъ дождями проселкамъ, гдѣ, по бѣдности края, отсутствію значительныхъ селеній, не было возможности добывать фуражировкою необходимыя припасы. Фуражиры часто проводили цѣлыя ночи въ бесполезныхъ поискахъ. Люди умирали отъ голода, истощенія силъ или прибѣгали къ самоубійству. При быстромъ наступленіи Французовъ, не было возможности

поднять хлѣбъ изъ магазиновъ, а русскіе склады, захваченные непріятелемъ, не могли удовлетворить потребностямъ арміи: раззореніе нашими войсками мельницъ, при отступленіи, отняло у непріятеля средства пользоваться находимымъ на поляхъ или въ деревняхъ зерновымъ хлѣбомъ. Въ кавалеріи, при недостаткѣ сѣна и сѣна и незрѣломъ подпожнымъ кормомъ, открылась чрезвычайная убыль въ лошадяхъ.

Вѣнская армія ежедневно слабѣла въ численности, вслѣдствіемъ мародерства, развившагося въ тылу ея, болѣзней и конвоированія огромныхъ обозовъ и стадъ, тянувшихся за арміею. По отступленіи Витебска, изъ числа 220,000 войскъ, слѣдовавшихъ туда отъ Ковно, подъ личнымъ предводительствомъ Наполеона, осталось не болѣе 150,000 чел. Изъ этой потери въ 70,000 чел. и десятой части не вышло изъ строя въ дѣлахъ съ русскими войсками.

Вообще, въ теченіе первыхъ пяти недѣль кампаніи 1812 г., французская армія потеряла изъ числа 300,000 войскъ, направленныхъ къ Витебску и Могилеву, болѣе 100,000. По прибытіи къ Смоленску, у Наполеона, въ началѣ августа, не было въ строю и 200,000 человекъ.

Наши приготовленія къ войнѣ, вслѣдствіе долго сохраняемой надежды на мирный исходъ возникшихъ недоразумѣній и споровъ съ французскимъ правительствомъ и войны съ Турками, отлекавшей значительную часть силъ и средствъ къ южнымъ границамъ, не отличались столь же обширными размѣрами. Для изслѣдованія свойствъ западнаго пограничнаго пространства въ военномъ отношеніи, посланы были, въ 1811 г., офицеры квартирмейстерской части; крѣпости Рига и Бобруйскъ приведены были въ состояніе выдержать осаду, устроены укрѣпленный лагерь на Двинѣ у Дриссы и мостовое прикрытіе на Березинѣ у Борисова; предмостное укрѣпленіе у Динабурга не было совершенно готово, когда начались военныя дѣйствія, а построеніе Динабургской крѣпости только еще было начато.

Русская армія, въ концѣ 1810 года, состояла изъ 446 баталіоновъ пѣхоты и инженерныхъ войскъ, 399 эскадроновъ кавалеріи и 156 артиллерійскихъ ротъ, въ числѣ 420,000 человекъ, съ 1,552 орудіями, не считая войскъ иррегулярныхъ. Въ 1811 году, вновь сформировано два гвардейскіе полка: Финляндскій и Литовскій, и 6 полковъ армейской пѣхоты (17 пѣхотная дивизія); 52 гарнизонныхъ баталіона переформированы въ 13 новыхъ ли-

нейныхъ полковъ и нѣсколько гарнизонныхъ баталіоновъ и пѣхотныхъ баталіоновъ. Кавалерія усиленъ л.-г. черноморскою союзнами и двумя армейскими кирасирскими полками; въ полевой артиллеріи сформировано нѣсколько новыхъ ротъ. Въ началѣ 1812 г. составъ русской арміи былъ слѣдующій: 514 баталіоновъ, эскадроновъ, 159 ротъ артиллеріи, инженерныхъ войскъ, 6 баталіоновъ пѣхоты.

Число всѣхъ этихъ войскъ, не считая учебныхъ и гарнизонныхъ, къ 11 іюля 1812 г., но съ включеніемъ вновь сформированныхъ къ 1 мая 1812 года двѣнадцати пѣхотныхъ полковъ (принимая для сихъ послѣднихъ по Данилевскому цифру 23,800 человекъ), простиралось до 503,000 человекъ, съ 1,600 орудій.

Учебныхъ войскъ, пѣхоты и резервной артиллеріи, не вошедшихъ въ составъ дивизій, было до 12,000 человекъ.

Значительная часть нашихъ войскъ стояла на границахъ, отдаленныхъ отъ западнаго театра войны. Въ дунайской арміи было до 87,000 человекъ, въ Крыму и Новороссійскомъ краѣ 19,500, на Кавказской линіи и въ Грузіи до 24,000, въ Финляндіи до 30,000, а къ западнымъ границамъ, за исключеніемъ запасныхъ баталіоновъ и эскадроновъ, сосредоточилось до 200,000 человекъ.

Резервы этихъ войскъ состояли, во первыхъ, изъ запасныхъ баталіоновъ (всѣ 2 баталіоны пѣхотныхъ полковъ) и эскадроновъ (5 въ кирасирскихъ и драгунскихъ полкахъ, 9 и 10 въ гусарскихъ и уланскихъ), въ числѣ до 35,000 человекъ, расположенныхъ по Западной Двинѣ, Березинѣ, Днѣпру и у Мозыря на р. Припяти. Во вторыхъ, изъ рекрутскихъ депо, учрежденныхъ въ 1808 г. для отвращенія неудобствъ распределять рекрутовъ тотчасъ послѣ приѣма ихъ въ дѣйствующія части. Въ каждомъ депо находились тогда особыя команды изъ строевыхъ нижнихъ чиновъ, одного штабъ и нѣсколькихъ оберъ-офицеровъ для обученія поступающихъ въ депо людей и нѣсколько чиновъ изъ гарнизонныхъ и инвалидныхъ ротъ для карауловъ при магазинахъ, лазаретахъ и т. п. Депо дѣлилось на 6 ротъ, по числу полковъ въ пѣхотныхъ дивизіяхъ, а для обученія рекрутовъ, поступающихъ въ кавалерію, состояли при депо особыя команды. Въ 1811 году, внутренний составъ депо и управления ими преобразованы; учреждены рекрутскія депо для артиллеріи, и впоследствии всѣ депо

дѣйствующей арміи, въ числѣ 33, размѣщены въ 3 линіяхъ (*). Баталіоны и эскадроны, вновь сформированные въ депо, названы резервными.

Изъ резервныхъ и запасныхъ баталіоновъ и эскадроновъ составило дѣйствующую армію, до отступленія ея, въ сентябрѣ 1812 года, въ тарутинскую позицію, до 155,300 человекъ. Для размѣщенія войскъ боевыми запасами учреждены 58 запасныхъ артиллерійскихъ парковъ, расположенныхъ также въ 3 линіяхъ.

Слѣдуетъ мнѣнію автора, первоначальныя наши заготовленія продовольствію войскъ принесли мало пользы, при открытіи военныхъ дѣйствій, потому что запасы были собраны въ большихъ количествахъ на немногихъ и отдаленныхъ на значительныя разстоянія между собою пунктахъ, ибо магазины находились одинъ отъ другаго почти въ восьми переходахъ. Первоначально на пространствѣ между Неманомъ и Бугомъ съ одной стороны, Западною Двиною и Днѣпромъ съ другой было расположено 15 магазиновъ, а впоследствии за Двиною и Днѣпромъ въ Лифляндіи, Северо-западныхъ и южныхъ губерніяхъ до 14. На верхнихъ частяхъ Двины и Днѣпра, въ самомъ Смоленскѣ и по дорогѣ отсюда въ Москву заготовленія были весьма значительны; къ тому же, не доставало пекаренъ и не было сдѣлано никакихъ распоряженій относительно хлѣбнеченія. Подвижной провіантскій магазинъ былъ устроенъ изъ палаточныхъ ящиковъ и другихъ полевыхъ дозозокъ и изъ патронныхъ фуртъ. По дорогѣ изъ Дриссы къ Витебску войска продовольствивались въ собственной странѣ фуражировками и на пути изъ Смоленска къ Москвѣ особаго рода реквизиціями; каждый обыватель этой мѣстности обязанъ былъ выставить и привезти въ армію опредѣленное количество сухарей, крупы или овса.

Когда армія подходила къ Москвѣ, подоспѣли большіе обозы на лошадахъ и волахъ, высланные изъ отдаленныхъ губерній съ различными припасами, а также курты скота, назначенные для продовольствія войскъ; но, несмотря на то, войска пользовались преимущественно мясомъ мѣстнаго скота, замѣщая аватары. Не объяснивъ причинъ столь интереснаго факта, повторившагося

(*). Мы не привели мѣстъ расположенія этихъ линій, а также пунктовъ размѣщенія запасныхъ артиллерійскихъ парковъ, означенныхъ весьма подробно въ I томѣ Исторіи Отечества войны, на стр. 60 — 64.

Думали сначала о наступлении въ герцогство Варшавское, потомъ, когда объяснилось огромное превосходство передъ нами въ численности большой армии, положили одною изъ нашихъ армій задерживать съ фронта наступление главныхъ неприятельскихъ силъ, между тѣмъ направить имъ во фланги и на остальные армій; наконецъ, согласяясь съ мнѣніемъ прусскаго генерала Фуля соединить 1 и 2 западныя армій во фланговой позиціи въ дрисскомъ укрѣпленномъ лагерѣ на Двинѣ. Къ счастью, скоро убѣдились въ опасности, которой подвергло это движеніе не только армию, но весь исходъ войны, ибо Наполеонъ, направясь къ Витебску и Оршѣ, въ пространство между верховьями Двины и Днѣпра, могъ совершенно разобщить 2 армию отъ 1, отбросить эту послѣднюю къ сѣверо-западнымъ губерніямъ и отрѣзать нашимъ войскамъ пути, ведущіе чрезъ Смоленскъ и Москву къ центральнымъ и южнымъ областямъ.

Тогда всѣ усилія главнокомандующихъ были направлены къ соединенію обѣихъ армій сначала у Витебска и Орши, а потомъ у Смоленска, что и действительно было исполнено въ концѣ іюля мѣсяца, спустя пять съ небольшимъ недѣль по переходѣ Наполеона черезъ Неманъ. Главнокомандующій 1 арміею былъ убѣжденъ въ необходимости отступления внутрь страны, для ослабленія неприятеля. Еще въ 1807 году, при свиданіи съ Нибуромъ, въ Мемель, гдѣ находился генералъ Барклай-де-Толли, вслѣдствіе раны, полученной подъ Прейсишъ-Эйлау, выражена была имъ, въ разговорѣ съ знаменитымъ историкомъ, мысль объ образѣ дѣйствій противъ Наполеона. «Если бы мнѣ довелось воевать противъ Наполеона, въ званіи главнокомандующаго», сказалъ тогда Барклай, «то я избѣгалъ бы генеральнаго сраженія и отступалъ до тѣхъ поръ, пока бы Французы нашли, вмѣсто рѣшительной побѣды, Другую Полтаву.» Мнѣнія этого, въ 1812 г., вовсе не разделяло большинство нашихъ военныхъ людей, въ томъ числѣ Багратионъ и Беннигсенъ, считавшіеся лучшими генералами. Мысль объ отступленіи внутрь страны, сопряженное съ нимъ пожертвованіе многими изъ нашихъ областей, въ первый моментъ войны, сочтена бы была въ Россіи за измѣну, и потому главнокомандующій 1 арміею долженъ былъ скрывать свои убѣжденія даже отъ старшихъ нашихъ генераловъ, какъ говоритъ авторъ. Отъ начала войны до отступленія въ лагерь при Дриссѣ, предпринятаго противъ воли Барклая, онъ все не

былъ связанъ въ своихъ дѣйствіяхъ, что отразилось въ першпективѣ власти тогдашнихъ военныхъ распоряженій.

Въ томъ образѣ, главнокомандующій 1 арміею не имѣлъ возможности осуществить свою идею въ опредѣленномъ планѣ войны, въ заслужилъ себѣ признательность Россіи, проводя эту идею, гдѣ только могъ, не останавливаясь передъ пожертвованіемъ собственнаго самолюбія и даже своей репутаціи въ пользу своего убѣжденія, которое, какъ оказали послѣдствія, привело къ счастливому исходу кампаніи.

Сказанное нами мнѣніе, по поводу первоначальнаго плана дѣйствій русскихъ армій, повидимому, противорѣчитъ взгляду автора на этотъ предметъ, развитому имъ слѣдующимъ образомъ, въ У главѣ 1 тома:

«Василя неосновательно мнѣніе, будто бы дѣйствія русскихъ армій, въ первую половину кампаніи 1812 года, отъ вторженія неприятеля въ предѣлы Россіи до занятія Французами Москвы, вѣдены были безъ всякаго опредѣленнаго плана. Но столь же неосновательно было бы утверждать, что соображенія, входившія въ первоначальный планъ дѣйствій русскихъ войскъ, были исполнены точно въ такомъ видѣ, какъ были предложены. Въ то время, когда Наполеонъ готовился вторгнуться въ Россію, никто у насъ не могъ въ точности опредѣлить ни образа дѣйствій нашихъ армій, ни направленія, по которому слѣдовало двигаться въ случаѣ отступленія, ни конечнаго пункта, къ которому довелось намъ отступать (слѣдовательно, какой же опредѣленный планъ возможенъ при такихъ условіяхъ?). Все это зависѣло отъ войны 1812 года, какъ и во всѣ войны, отъ многихъ обстоятельствъ, недоступныхъ человѣческой предусмотрительности.»

«Не подлежитъ сомнѣнію — говоритъ далее Богдановичъ — также и то, что планъ отступленія нашихъ армій внутрь страны принадлежитъ не однимъ иностранцамъ (какъ старался доказать Вольцогенъ) и что главный исполнитель этого соображенія, Барклай-де-Толли, самъ составилъ его задолго до войны 1812 года.»

Не знаемъ, кому принадлежитъ мысль, противъ которой сначала возстаетъ авторъ, будто бы дѣйствія нашихъ армій въ первую половину кампаніи вѣдены были безъ всякаго плана. Напротивъ, существовало, какъ упомянуто было, даже нѣсколько предположеній объ образѣ дѣйствій противъ неприятеля; но эти предположенія далеко нельзя принять за *опредѣленный планъ вой-*

ли, ибо они измѣнились въ коренныхъ своихъ основаніяхъ. Разно движениѣмъ непріятеля, въ характеристикахъ общаго плана дѣйствій (какъ, напримеръ, идеи отступления во внутренность страны частныхъ армій: соединенія обѣихъ западныхъ армій Дриссѣ, Витебскѣ или Оршѣ и Смоленскѣ, не говоря уже о первоначальныхъ предположеніяхъ идти въ Польшу или дѣйствовать на фланги и тылы непріятеля. Ежели бы, въ началѣ кампании, составленъ былъ этотъ опредѣленный планъ отступления внутрь Россіи, то естественно, что были бы приняты и мѣры къ его осуществленію; отсутствие же всякихъ заготовленій для войскъ на пути отъ Смоленска къ Москвѣ не доказываетъ ли самымъ убѣдительнымъ образомъ, что отступление къ столицѣ было вынуждено обстоятельствами, а не произошло отъ заранее принятаго намѣренія?

Въ мемуарахъ и проектахъ, представленныхъ, въ разное время, нашему правительству д'Аллонвилемъ, Вольфогеномъ, Фульемъ имперіи, встрѣчается мысль ослабить непріятеля отступленіемъ во внутренность страны; но, за исключеніемъ идеи Фуля о расположеніи армій во фланговой позиціи (при Дриссѣ), ни однимъ изъ упомянутыхъ предположеній не руководились онъ въ первый періодъ кампаніи, и самъ авторъ не привелъ письменнаго документа, въ которомъ бы въ общихъ чертахъ набросанъ былъ одобренный или утвержденный правительствомъ для руководства главнокомандующимъ общій планъ для дѣйствій русскихъ армій.

Г. Богдановичъ полагаетъ, что Вольфогенъ и Фуль заимствовали мысль объ отступленіи во внутренность страны отъ нашего главнокомандующаго 1 арміею, вслѣдствіе того, что Нибуръ, еще въ 1807 году, довелъ свой разговоръ съ Барклайемъ въ Мемелѣ до свидѣнія прусскаго министра Штейна, который сообщилъ его генералу Кнезебюку, а этотъ послѣдній Фулю и Вольфогену; но, съ другой стороны, нельзя утверждать, чтобы подобная идея не могла родиться въ головѣ этихъ прусскихъ офицеровъ, независимо отъ словъ Барклая-де-Толли.

Изъ всего этого кажется намъ, что авторъ, отрицая, изъ патріотизма, у иностранцевъ идею отступления, принявъ общій характеръ войны 1812 года, сложившейся подъ влияніемъ множества разнообразныхъ данныхъ, за слѣдованіе извѣстному опредѣленному плану.

Изъ писемъ Наполеона къ брату его Жерониму и самыхъ дѣйствій, оказывается, что Наполеонъ предполагалъ устремить главную массу силъ къ Нѣману противъ 1 нашей арміи, отступившей и потому направить одну часть войскъ, вслѣдъ за 1 арміею, а другую въ тылъ 2 арміи. Войска же, назначенныя для дѣйствій съ фронта противъ 2 арміи, подъ начальствомъ короля Сардиніи, должны были наступать нѣсколькими днями позже, съ такою цѣлю, чтобы, удерживая князя Багратиона въ бездѣйствіи, приготовить его пораженію. Въ промежуткѣ между этими частями большой арміи, должна была слѣдовать 3я, подъ командою короля итальянскаго, чтобы разобщить наши арміи и соединить главнымъ силамъ Наполеона, въ слѣдствіе, сдѣлать бы имъ принятыя сраженіе. Кромѣ всѣхъ этихъ армій, для угроженія флангамъ общаго расположенія нашихъ войскъ, направлена была 4я корпусъ: Макдональда къ нижнему Нѣману и Шварценберга къ Бугу.

Наполеонъ съ гвардіею, пѣхотными корпусами Даву, Удино, Нея и кавалерійскими Натуги и Монбрега, въ числѣ 220,000, опередилъ прочія войска свои, двигавшаяся къ Нѣману, и, въ ночь съ 11 (12) іюня ст. стила, перешелъ эту рѣку у мѣстечка Шовьмоня, близъ Ковно, куда и перенесъ (12 іюня) свою главную квартиру.

Видя король итальянскій, слѣдуя къ Нѣману на Кольварцъ и Прены, переправился шестью днями позже, именно 18 числа, и потому не могъ выполнить своего назначенія разобщить наши арміи. Это было поручено Наполеономъ, по ванити Вильямъ, маршалу Даву, направленному изъ этого пункта на Оудиану и Минскъ.

Король вестфальскій, (60,000) вступилъ въ Гродно 18 числа, а Шварценбергъ (34,000) въ Дрогичинъ по Бугу, 22 іюня только корпусъ Макдональда (32,000) на лѣвомъ берегу французской арміи занялъ Тильзитъ одновременно съ переправою Наполеона близъ Ковно.

Общее число войскъ большой арміи, перешедшихъ, въ іюнь 1812 года, западныя границы Россіи, простиралось до 450,000, между тѣмъ, какъ наши арміи могли противопоставить имъ до 200,000.

Мы позаймствуемъ изъ разбираемаго сочиненія описаніе переправы Наполеона черезъ Нѣманъ и разскажемъ впечатлѣніи, произведенномъ этимъ извѣстіемъ въ Вильнѣ.

Утромъ 11 (23) июня, къ 4 (польскому) уланскому полку, стоявшему на форпостахъ въ сѣвернѣмъ берегу Нѣмана, подошла дорожная коляска, запряженная шестернею лошадей, въ сопровожденіи нѣсколькихъ гвардейскихъ конноегерей, которыхъ запыхавшія лошади изнемогали отъ усталости. Изъ коляски вышелъ Наполеонъ, съ Бертье. Вслѣдъ затѣмъ прискакалъ начальникъ 1 легкой кавалерійской дивизіи, генералъ Брюйеръ, и подошли нѣсколько уланскихъ офицеровъ. Наполеонъ, обратясь къ старшему изъ нихъ, майору Сухоржевскому, спрашивалъ его о путяхъ, ведущихъ къ Нѣману, о расположеніи аванпостовъ и проч., а между тѣмъ, изъявилъ желаніе переодѣться польскій мундиръ. Нѣсколько офицеровъ сняли свое платье. Наполеонъ надѣлъ сюртукъ и фуражку полковника Поговскаго, Бертье тоже переодѣлся уданомъ, и оба они, съ однимъ изъ польскихъ офицеровъ, отправились впередъ на аванпосты, къ селенію Алексотену, лежащему насупротивъ Ковно; а потомъ Наполеонъ, въ сопровожденіи генерала Гаксо (Нахо), предварительно обозрѣваемаго мѣстность, побѣжалъ вверхъ по Нѣману, къ селенію Поньмонъ, гдѣ Гаксо нашелъ мѣсто, весьма удобное для переправы. На этомъ пунктѣ рѣка образуетъ большой изгибъ, способствующій сосредоточенію огню батарей, поставленныхъ на лѣвомъ берегу. Наполеонъ обратилъ вниманіе, не будучи замѣченнымъ. На противолежащей сторонѣ Нѣмана не было открыто никакихъ войскъ, кромѣ казанскихъ развѣдочь. Возвратясь съ рекогносцировки, Наполеонъ былъ весь день и въ этотъ день не разъ затыгивалъ старинную дѣсьню: «Malbrough s'en va-t-en guerre». Затѣмъ, въ прежнемъ костюмѣ, онъ отправился въ Ногаришки, селеніе, лежащее въ шести верстахъ отъ Ковно, нѣсколько правѣе большой дороги, куда ведущей изъ Вилькомишекъ.

«По прибытіи въ Ногаришки, куда перенесена была въ тотъ день главная квартира, Наполеонъ приказалъ составить и разослать по войскамъ диспозицію для перехода чрезъ Нѣманъ, на основаніи которой, начальникъ понтонеровъ, генералъ Эбле, долженъ былъ построить у Поньмона три донтонныхъ моста, каждый изъ 75 понтонновъ, такимъ образомъ, чтобы разстояніе между мостами было не менѣе 150 шаговъ. Кромѣ того, приказано отправить четвертый такой же мостъ къ Алексотену, гдѣ понтонны должны были оставаться до занятія французскими войсками Ковно, а потомъ служить для переправы на большой до-

рогъ между этими городомъ и Алексотеномъ. Въ диспозиціи было подробно указано размѣщеніе войскъ до переправы и, по соображеніи ея, расположеніе батарей, долженствовавшихъ обезпечить наведеніе мостовъ и порядокъ движенія колоннъ на противоположную сторону рѣки.

«Въ 8 часовъ вечера, Наполеонъ, съ весьма небольшою свитою, отправился къ мѣсту, избранному для переправы у Поньмона, гдѣ, въ присутствіи его, начались работы. Нѣсколькимъ ротамъ, найденныхъ у лѣваго берега рѣки, послужили для переправы 3 роты 13 легкаго полка, которыя тотчасъ занялись около лежащую деревню; лейбъ-казачій развѣдочъ, обстрѣлившись съ неприятелемъ нѣсколькими выстрѣлами, отошелъ впередъ, по приказанію командира полка, графа Орлова-Денисова. Въ то же время, отправлены донесенія о переправѣ Французовъ. Между тѣмъ, неприятели приступили къ наводкѣ мостовъ; понтонны были спущены въ Нѣманъ, и въ часъ пополночи французская армія уже двигалась по мостамъ на другую сторону рѣки. По мѣрѣ достиженія праваго берега, войска строились въ глубокихъ колоннахъ. Корпусъ Даву выдвинуть былъ на дорогу, ведущую черезъ Жижморы прямо въ Вильно, а за нимъ перешла на правую сторону Нѣмана кавалерія Мюрата.

«Нѣрѣдкій былъ брошенъ. Съ перваго шага неприятельской арміи на землѣ русской началось на пути ея страшное опустошеніе — неминуемое слѣдствіе соединенія на небольшомъ пространствѣ огромной массы войскъ. Въ приказахъ, отдаваемыхъ отъ имени Наполеона, строго запрещалось всякое насилие; но не было никакой возможности наблюдать за исполненіемъ этихъ приказовъ: впередъ представлялись взору истоптанныя нивы, обдѣланные за день предъ тѣмъ богатую жатву, вѣковыя деревья, срубленные для разведенія бичующихъ огней, развалины селеній, растасканныхъ въ нѣсколько часовъ; во всѣхъ направленіяхъ видны были испуганные обыватели, бросающіе свои пеленки и спасающіеся бѣгствомъ. Окрестная страна не могла удовлетворить потребностямъ этого новаго переселенія народовъ: предства, находившіяся въ ней, были расхищены, разбросаны, уничтожены, не послуживъ въ пользу войскамъ, а обозы съ запасами, идущими за ними. Оказался недостатокъ въ фуражѣ. Кавалеристы принуждены были кормить своихъ лошадей зеленымъ осотомъ, отчего онѣ приходили въ изнуреніе и падали.»

«Въ продолженіе 12 (24) іюня, главныя силы болнн арміи успѣли переправиться у Понѣмона и зашли Ковно. Наполеонъ перенесъ свою главную квартиру. Во время пребывания своего въ Ковно, онъ приказалъ развѣсти донтонныя мосты у Понѣмона и отправить ихъ вслѣдъ за арміею; генералу Эбле поручено было соорудить постоянные мосты на Нѣманѣ и Вилии. Самъ Наполеонъ нѣсколько разъ осматривалъ работы при постройкѣ мостовъ и суда, нагруженные съѣстными и военными припасами. Въ городѣ учреждены были магазины, пекарни, госпитали и приказано построить укрѣпленія на всѣхъ ведущихъ туда путяхъ. На слѣдующій день, 13 (25) іюня, войска двинулись впередъ тремя колоннами: первая, состоявшая изъ резервной кавалеріи, гвардіи и корпуса Даву, при которой находилась главная квартира, слѣдовала по столбовой валенской дорогѣ на Жижморы; средняя, изъ войскъ корпуса Нея, вверхъ по лѣвому берегу Вилии, на Скорули; въ лѣвой колоннѣ, корпусъ Удино, съ кирасирскою дивизіею Думерка, возстановивъ мостъ на Вилии, сожженный нашими войсками, переправился на правую сторону сей рѣки и слѣдовалъ частью вверхъ по ней къ Янову, частью же на Бобты.

«Извѣстіе о переправѣ неприятелей черезъ Нѣманъ пришло въ Вильно ночью съ 12 на 13 (25) іюня. Городничій ковенскій Бистромъ далъ знать о томъ первый, прежде, нежели пришло изъ авангарда донесеніе по командѣ. Императоръ Александръ въ то время находился на балѣ, приготовленномъ генералъ-адъютантами Его Величества въ Закретѣ, загородномъ домѣ генерала Беннгсена. Министръ полиціи Балашовъ тихонько доложилъ Государю о привезенномъ извѣстии. Императоръ, повелѣвъ Балашову сохранять въ тайнѣ громовую вѣсть, оставался на балѣ еще около часа, а потомъ провель въ трудахъ большую часть ночи. Сообразно первоначальному плану дѣйствій, повелѣнно было всѣмъ корпусамъ 1 арміи отступать къ Свенцинамъ, а князю Багратиону и Платову дѣйствовать рѣшительно во флангъ неприятелю. Затѣмъ, призвавъ къ себѣ государственнаго секретаря Шишкова, Государь сказалъ ему: «Надобно «теперь же написать приказъ нашимъ войскамъ въ С.-Петербургъ къ фельдмаршалу графу Салтыкову о вступленіи неприятеля въ наши предѣлы, и между прочимъ сказать, что я не помнюсь, покуда хоть одинъ неприятельскій воинъ будетъ оставаться въ нашей землѣ»

«Маги эти» подписанныя Государемъ въ ту же ночь, были слѣдующаго содержания:

«Приказъ нашимъ арміямъ.
«Изъ давняго времени привыкли Мы непріязненные поступки Французскаго Императора, но всегда кроткими и миролюбивыми способами надѣялись отклонить оныя. Наконецъ, видя безпрестанное возобновленіе явныхъ оскорбленій, при всемъ Нашемъ желаніи сохранить тишину, принуждены Мы были ополчиться и собрать войска Наши; но тогда, ласкаясь еще примиреніемъ, оставались въ предѣлахъ Нашей Имперіи, не нарушая мира, а быть токмо готовыми къ оборонѣ. Всѣ сіи мѣры кротости и миролюбія не могли удержать желаемаго нами спокойствія. Французскій Императоръ, «нападениемъ на войска Наши при Ковно, открылъ первый «войну. Итакъ, видя его никакими средствами непреклоннаго «къ миру, не остается Намъ ничего инаго, какъ призвавъ на «помощь Свидѣтеля и Заступника правды, всемогущаго Творца «небесъ, поставить силы Наши противу силъ неприятельскихъ. «Не нужно мнѣ напоминать вождямъ, полководцамъ и воинамъ «Нашимъ о ихъ долгѣ и храбрости. Въ нихъ издревле течеть «строгая побѣдами кровь Славянъ. Воины! Вы защищаете «Вѣру, Отечество, свободу. — Я съ вами. На зачинающаго «Богъ.»

Въ Вильнѣ. Іюня 13 дня 1812 года.

«Особымъ рескриптомъ Государя къ главнокомандующему въ С.-Петербургѣ, фельдмаршалу графу Салтыкову, объявлено было о войнѣ народу, а потому приведемъ здѣсь также слова автора объ общемъ впечатлѣніи, произведенномъ на Россію вторженіемъ Наполеона:

«Современники 1812 года свидѣлствуютъ, что ния бонапартово поселило тогда въ нашемъ простомъ народѣ таинственный ужасъ, подобно имени злаго духа. Съ приближеніемъ войны, всякій пожаръ, всякое естественное бѣдствіе приписывались вліянію Наполеона и его агентовъ, которые дѣйствительно разосланы были французскимъ правительствомъ въ большомъ числѣ, для собиранія свѣдѣній и для возбужденія малодушныхъ людей къ мѣдѣжу и предательству. Въ 1811 году, явилась комета: «не къ добру эта звѣзда», говорили у насъ: «она помететъ русскую землю». Открывалось обширное поприще воображенію: рассказывали о небесныхъ знаменіяхъ, предвѣщавшихъ

ничто чрезвычайное, полагали, что уже настало время
нашего суда Божья. Въ самомъ имени Наполеона, переложенномъ въ
въ цифры, по европейскому счисленію, мнили отыскать
(антихриста), означеннаго въ Апокалипсисѣ числомъ 666,
какъ въ другомъ мѣстѣ Апокалипсиса опредѣленъ былъ пре-
дѣлъ славы этого звѣря числомъ 42, то надѣялись, что 1812
въ которомъ Наполеонъ извѣлъ отъ роду 42 года, будетъ време-
немъ его паденія. Упоминаемъ объ этихъ толкахъ единственно
для того, чтобы представить вѣрную картину тогдашняго вре-
мени. Она можетъ послужить къ получению яснаго понятія о
духѣ русскаго народа.»

Чѣмъ моложе въ историческомъ смыслѣ и менѣе развитъ
народъ, тѣмъ сильнѣе, какъ извѣстно, въ немъ страсть къ не-
обыкновенному и чудесному, которая, при сильномъ нравствен-
номъ потрясеніи, стремится сблать природу участницею въ
грезахъ разгоряченной фантази человѣка. Мы вѣримъ, что,
дѣйствительно, ходили въ народѣ, въ 1812 году, толки и о ко-
метѣ, и о страшномъ судѣ, и о примѣненіяхъ къ звѣрю Апока-
липсиса наполеонова имени, этомъ праздномъ занятіи гра-
мотнаго невѣжества и суевѣрія, но не думаемъ, чтобы подоб-
ныя качества могли характеризовать духъ русскаго народа.

Суевѣріе, какъ признакъ отсутствія образованности въ мас-
сахъ, какъ временное условіе ихъ жизни, не можетъ быть основ-
нымъ элементомъ народнаго духа, тѣмъ болѣе русскаго, когда
и религиозный мистицизмъ не привился къ нашему простолюди-
ну, несмотря на продолжительность византійскаго вліянія въ
нашей цивилизаціи.

Описание передвиженій войскъ обѣихъ сторонъ и сраженій
изложено въ «Исторіи Отечественной войны» со строгимъ от-
четливостію: гдѣ только было возможно, приведены инструкціи
и различнаго рода приказанія, которыми руководились частные
начальники при исполненіи общихъ соображеній, объяснены
ведь причины, обусловившія успѣхъ или неудачу военныхъ
дѣйствій, такъ же, какъ и участіе, принятое въ нихъ лицами, не
стоявшими въ главѣ управленія арміями и потому не упомяну-
тыми, по болѣе части, въ прежнихъ описаніяхъ войны 1812
года. Одна изъ самыхъ неблагоприятныхъ и затруднительныхъ
обязанностей военнаго историка — точное изложеніе состава
различныхъ частей войскъ и опредѣленіе численности ихъ
въ разные періоды кампаніи — исполнена авторомъ съ большою

добросовѣстностію. Такая добросовѣстность сочиненія, заключаю-
щая преимущественно въ подробностяхъ, при описаніи воен-
ныхъ событій, представляя прекрасный матеріалъ для изученія
кампаніи 1812 года, не могутъ быть переданы нами со всею
цѣлостностію въ сжатомъ очеркѣ, которымъ мы желали бы только
ознакомить читателей съ духомъ и благо сочиненія, и потому въ
разсужденіи собственно о военныхъ дѣйствіяхъ мы остановимся
только на болѣе важныхъ, по нашему мнѣнію, эпизодахъ войны
1812 года и на выводахъ о нихъ автора.

Свершивъ переправу черезъ Неманъ въ окрестностяхъ Ков-
но, Наполеонъ быстро двинулся къ Вильнѣ, которую занялъ 16
августа. 1 западная армія, несмотря на растянутое расположеніе,
успѣла довольно счастливо сосредоточиться къ Свенцянѣ и
затѣмъ начала отступать къ Дриссѣ; 2 арміи послано было
приказаніе идти на Вилейку на соединеніе съ 1 и, въ случаѣ
невозможности исполнить это движеніе, отступать на Минскъ
и Борисовъ. Изъ Вильны Наполеонъ отправилъ маршала Даву
съ 3 пѣхотными дивизіями, одною кавалерійскою и кавале-
рійскими корпусомъ Груши на Ольшаны, Волочанъ и Минскъ,
для отрѣзанія пути отступленія князю Багратиону. Такими были
первоначальныя распоряженія обѣихъ сторонъ.

Личныя свойства нашихъ главнокомандующихъ имѣли боль-
шее вліяніе на ходъ дальнѣйшихъ событій, въ особенности
послѣ соединенія обѣихъ русскихъ арій у Смоленска. Мы при-
ведемъ здѣсь характеристику этихъ двухъ знаменитыхъ генера-
ловъ Отечественной войны:

«Главнокомандующій 1 западною арміею, военный ми-
нистръ Барклай-де-Толли, отличался опытностію въ бѣгахъ и
покопительными свѣдѣніями по военной и административной
частямъ; основными чертами его характера были примодушіе,
энергія и непоколебимость. Стремленіе къ уничтоженію
недостатковъ и злоупотребленій, существовавшихъ въ военномъ
управленіи, побуждало его къ введенію преобразованій, прино-
сившихъ несомнѣнную пользу, но возбуждавшихъ неудоволь-
ствіе и зависть его сильнаго предвѣстника графа Аракчеева, ко-
торый старался вредить ему при всякомъ случаѣ. Недовѣрчи-
вость, составлявшая одно изъ отличительныхъ качествъ его ха-
рактера, заставляла его стремиться къ исполненію многихъ обя-
занностей, которыя онъ могъ бы поручить своимъ подчинен-
нымъ, и затрудняло ходъ дѣлъ по управленію войсками. Его

Преданность къ Государю въ Россіи была безпредѣльна, и у него не доставало способности спориться русскими солдатами; войска и народъ считали его иностранцемъ, что въ народѣ война было несчастьемъ для самого Барклая и препятствіемъ для общей пользы. При всей твердости своего характера, Барклай принужденъ былъ, изъ опасенія не угодить общему мнѣнію, скрывать свои намѣренія и иногда объявлять въ приказахъ вовсе не то, что требовалось настоятельными и необходимою стію. Въ то время, когда мы уже принуждены были отказаться отъ наступательныхъ дѣйствій и когда растнутое наше расположеніе не позволяло намъ и думать о защитѣ нашихъ границъ, Барклай писалъ князю Багратиону: «Надѣюсь, что Богъ помилуетъ насъ отъ отступленія». Слѣдствіемъ того была недовѣрчивость войска къ своему главнокомандующему; немногія лица, приближенныя къ нему болѣе прочихъ, могли одѣннить высокія его качества.

«Главнокомандующій 2 армію; князь Багратионъ, дознь въ дѣлѣ; разившій свои природныя способности подл начальствомъ Суворова, котораго былъ любимцемъ, сражавшійся на Кавказѣ, въ Турціи, въ Польшѣ, въ Италіи, въ Австріи, въ Финляндіи, вездѣ куда достигали наши знамена, былъ обожаемъ русскими войсками. Его имя, неразлѣчное съ воспоминаніями Олакова, Праги, Аллы, Требіи, Нови, Сени, Гетарма, Шенгрибена, Прейсмигъ, Дѣлау, Гейльсберга, Кварнена и Брандлау, котораго съ уваженіемъ во всѣхъ концахъ Россіи. Находясь постоянно въ авангардѣ либо въ аррьергардѣ, пролагая войскамъ путь къ побѣдѣ либо прикрывая ихъ своею грудью, вступая въ бой первымъ и выходя изъ него послѣднимъ, Багратионъ не зналъ ни войнъ, усталости; въ немногіе часы его отлитъ какъ только пришло къ нему донесеніе, какъ бы оно ни было важно, его тогда съ будили. Таковъ былъ обычный переломъ. Заботливый о другихъ, строгій къ самому себѣ, онъ цѣлѣбно, своему знаменитому покровителю Суворову, умѣлъ достойно дѣлать усердіе въ способности, своихъ подчиненныхъ. Допуская видъ раздѣлять съ собою воинскіе труды и славу, Багратионъ считалъ за счастія выказывать ихъ заслуги. Обхожденіе его было оговорительно. Въ окружавшіе его были ему даны довѣрчивость его къ ближайшимъ сподвижникамъ, орошь была неограничена и даже иногда давала имъ возможность употреблять во зло вліяніе свое. Уступая въ образованіи, теоріи

ретики, въ свѣдѣніяхъ, административной опытности, Багратионъ происходилъ его въ умѣнн одушевлять войска и говорить русскими солдатами.»

Въ додъшвенной въ приложеніи ко 11 тому (стр. 500—505) перодиски князя Багратиона съ графомъ Арднеевымъ, открывается другая сторона личности этого блестящаго боеваго генерала, вмѣстѣ съ тѣмъ выясняются и положеніе Барклая въ арміи и причины назначенія новаго главнокомандующаго — князя Кутузова, послѣдовавшаго менѣе, нежели черезъ недѣлю по соединеніи обѣихъ западныхъ армій при Смоленскѣ.

Въ додъшвенной въ приложеніи ко 11 тому (стр. 500—505) перодиски князя Багратиона на нерѣшительность дѣйствій, на послѣдствіе отступленіе русскихъ войскъ передъ непрітедемъ, на неудачность распоряженій Барклая происходили не только отъ разномыслія съ нимъ князя о лучшемъ способѣ веденія войны противъ Наполеона, сколько отъ затаенной вражды Багратиона къ недовѣку, младшему по службѣ, но додъшвенно государю, облеченному высокимъ званіемъ русскаго полководца въ борьбѣ за независимость отечества. Князь Багратионъ, по своему положенію, слишкомъ хорошо зналъ обстоятельства и личность главнокомандующаго, чтобы приписывать принятый образъ дѣйствій неспособности Барклая командовать арміями, дѣлать болѣе измѣнѣ отечеству. А, между тѣмъ, въ письмахъ къ Аракчесу мы встрѣчаемъ намеки, способные распространять даже такія несправдливые подозрѣнія: такъ въ началѣ перваго письма читаемъ: «растанули меня сперва какъ кишку, пока непрітедь ворвался къ вамъ безъ выстрѣла; мы начали отходить, не вѣдаю за что; никого не увѣришь въ арміи, ни въ Россіи, чтобы мы не проданы. Я одинъ всю Россію защищать не могу. 1 армія тотчасъ должна идти и наступать къ Вильно, непременно; чего боитесь?» Или въ концѣ того же письма... «Наступайте ради Бога! Войско ободрится. Уже нѣсколько приказовъ даю, чтобы драться, а мы бѣжимъ. Вотъ вамъ моя откровенность и преданность Государю моему и отечеству. Если не правится, избавьте меня, и я не хочу быть свидѣтемъ худыхъ дѣлъ. Хорошо ретироваться 500 верстъ; но видно есть злодѣи Государю и Россіи, что дѣлать намъ предлагаетъ.»

Это говорится до прибытія 2 арміи къ Смоленску.

Въ письмѣ отъ 7 августа, послѣ двухдневнаго боя при Смоленскѣ, Барклай-де-Толли обвиняется, въ весьма сильныхъ выра-

женяхъ, за то, что онъ не атаковалъ такъ превосходнаго пункта въ рукахъ непріятеля, имѣя за собою обширный городъ и рѣку съ обрывистыми и крутыми берегами. Въ заключеніе, помню слѣдующее: «Надо командовать одному, а не двумъ. Вашъ министръ (Барклай-де-Толли) можетъ хороши́й по министерству, но генералъ не то, что плохой, но дрянной, и ему отдали судьбу всего нашего отечества. Я право съ ума схожу отъ досады; простите мнѣ, что дерзко пишу. Видно тогъ не любить Государя и желаетъ гибели намъ всемъ, кто совѣтуетъ заключить миръ и командовать армію министру. Итакъ, я пишу вамъ правду: готовьте ополченіе; ибо министръ самымъ мастерскимъ образомъ ведетъ въ столицу гостя. Большое подозрѣніе подаетъ флигель-адъютантъ Вольцогенъ. Онъ, говорятъ, болѣе Наполеона, нежели нашъ, и онъ совѣтуетъ все министру. Я не токмо учтивъ противъ него, но повинуюсь, какъ капралъ, хотя и старѣе его. Только жаль Государя, что вѣрнуетъ такимъ славную армію.»

Такимъ образомъ, непопулярность Барклая въ арміи происходила не отъ неумѣнья его говорить съ русскимъ солдатомъ: въдь и Беннгсенъ, командовавшій нашими войсками въ Прусскую кампанію 1807 года, носилъ иностранную фамилію и, конечно, не лучше Барклая умѣлъ говорить съ солдатами; но на него вовсе не вносили тѣхъ тяжелыхъ и несправедливыхъ обвиненій, которыя, въ двѣнадцатомъ году, распространялись изъ высшихъ сферъ военной іерархіи арміи, оттуда переходили къ низшимъ, поселяя недоверіе къ главнокомандующему и тревожа честные, но простые умы, и, наконецъ, поставили правительство въ необходимость вѣрить другому высокой постъ, занимаемый Барклаемъ.

Мы уже имѣли случай упомянуть о заслугахъ его въ званіи военнаго министра: каждая реформа, имѣющая цѣлью искоренить застарѣлыя злоупотребленія, вызываетъ тѣхъ больше сопротивленій, чѣмъ вліятельные лица, интересы коихъ затрагиваются нововведеніями.

Барклай принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ людей, которыми Императоръ Александръ I, въ первой половинѣ своего царствованія, доверялъ заботы по преобразованію различныхъ отраслей сложнаго механизма государственнаго управленія, требующаго перестройки вмѣстѣ съ развитіемъ народнои жизни, по обыкновенному ходу событій. Но чѣмъ менѣе способно общество, по своему положенію, принимать участіе въ дѣлахъ

общества, чѣмъ старѣе образуется въ немъ консервативная среда, которая не столько противодѣйствуетъ замѣненію престарѣлаго вѣка на прежнихъ обитателей, какъ становится на сторону интересовъ, иногда ей совершенно чуждыхъ, подчиняясь, въ такомъ случаѣ, вліянію своего руководителя, которыхъ выгода можетъ быть или другая реформа.

Въ 1812 г., когда обстоятельство требовало дружнаго, взаимнаго согласія всѣхъ сословій народа, всѣхъ классовъ общества, огромныхъ съ ихъ стороны пожертвованій, трудно было сознательно пренебречь (только съ вліятельныхъ круговъ, подстрекавшихъ своимъ протестами и общественно-личными, попарному, возмущеніемъ оставались неизвѣстными истинныя ихъ побужденія: въ томъ образѣ, удаленіе Барклая отъ званія главнокомандующаго русскими арміями и военнаго министра имѣли и въ главнѣйшихъ основаніяхъ много общаго съ паденіемъ Сперанскаго).

Иса Соколовскій, г. Богдановичъ, въ хлѣбѣ вѣнечъ, разсказъ, не развивая существенно всѣхъ обстоятельствъ, обусловившихъ назначеніе Кутузова, но приводя въ томъ числѣ, что въ комитетѣ собранномъ 3 августа въ С.-Петербургѣ (изъ 6 членовъ — генерал-майоръ графа Салтыкова, генераловъ: Вязьмитенова, графа Араичева, полковника князя Лопухина и графа Кочубея), для обсужденія вопроса объ избраніи новаго главнокомандующаго арміями, прочтеніи была упомянута переписка Баграціона съ Араичевымъ. Тамъ же, между прочимъ, также видно, что интрига противъ Барклая присвоила себѣ право говорить отъ лица арміи такъ: «вся армія (имѣетъ Баграціонъ) просила меня лично, чтобы я всѣми командовалъ, но я на это ни въ чемъ не отвѣчалъ; ибо дали на ту Государя моего» (всѣмъ интересно для исторіи того времени было бы развѣдана, кто были лица, предлагавшія это князю Баграціону, а также время и обстоятельства, при которыхъ произошла подобная просьба).

Въ письмѣ отъ 25 июля, встрѣчается и другое роде выраженіе главнокомандующему: «пожалте мнѣ куда угодно, хотя бы въ какомъ командованіи въ Молдавію или на Кавказъ, и здѣсь бытъ не могу; и вся главная квартира Пруссіями наполнена такъ, что Русскому войску невозможно и толку никакого нѣтъ. Вся армія, или увольте мнѣ хоть отдохнуть на вѣснѣ».

О пристрастіи Барклая-де-Толли къ Пруссіямъ говоритъ и Михайловскій-Данилевскій въ своемъ «Описаніи Отечественнаго войны», приводя это обстоятельство, какъ главную причину не-

популярности главнокомандующаго между войсками. В какой мере справедливо обвинение Барклая въ подобномъ недоумении не знаемъ. Но всякомъ случаѣ, онъ могъ только усилить возбудить нерасположеніе къ главнокомандующему, произшедшее, какъ мы замѣтили, отъ многихъ другихъ причинъ.

Противъ Барклая были, конечно, не одинъ князь Багратионъ, Аракчеевъ, Беннигсенъ и много другихъ вліятельныхъ лицъ составляли партію, враждебную главному министру; въ письмахъ Беннигсена къ тому же графу Аракчееву, встрѣчается то же недоброжелательство къ Барклаю, тѣ же намеки, но еще болѣе предвзвѣстный тонъ въ отношеніи къ графу.

Чтобы познакомить читателя съ системою со всеми фактами, которые даются «Исторіа Отечественной войны» по занимающему теперь насъ вопросу, мы помѣстимъ сюда отрывокъ изъ отрыва, которыми Императоръ Александръ удостоилъ Барклая де-Толля, оставившаго, по разстроенному здоровью, армию, послѣ Бородина и оставленнаго Москвою, до доводу представленною Барклаемъ записки, въ которой были изложены дѣйствія его за время командованія первою западною арміею. (Отрывъ этотъ приведенъ авторомъ во II томѣ, стр. 353—354.)

«Настало время приостановить отступленія. (Это относится ко времени сраженія армій у Смоленска.) Но недостатокъ въ снабженіяхъ о непріятелѣ, котораго неблагоприятныя постигали дѣйствія, мы (т. е. Барклай-де-Толль) подвергались въ продолженіе всей кампаніи, заставилъ насъ ошибочно двинуться къ Царевъ-Займищю противъ лѣваго крыла непріятельской арміи, между тѣмъ, какъ она сосредоточивалась у Лядъ, и перешла черезъ Дибиръ. Вы несправдливо эту ошибку, предупредивъ непріятеля въ Смоленскѣ. Но какъ обѣ наши арміи были сосредоточены на этомъ пунктѣ, и вы думали намѣреніе драться въ сраженіи, генеральное сраженіе, то не лучше ли было рѣшиться на то у Смоленска, нежели у Царевъ-Займища? Подъ Смоленскомъ наши войска находились въ лучшемъ устройствѣ, доходу, ико они тогда еще не потеряли урона въ дѣлахъ 6, 7 августа и въ послѣдующее время. Что же касаясь до опасенія обходовъ съ фланга, то вы подвергались ему и у Царевъ-Займища, точно такъ же, какъ и вездѣ. Усердіе вашихъ войскъ подъ Смоленскомъ было возбуждено до крайности тѣмъ, что они, сражаясь тамъ, защищали императорскій городъ»

«Потеря Смоленска произвела чрезвычайное нравственное влѣ-

ніе на все войско. Самый бѣгъ доказываетъ гибельныя послѣдствія этого плана (т. е. отступленія внутри страны), говоримъ пріоритетъ вашимъ дѣланіямъ. Россія подвергается неминуемому несчастію», и какъ, въ сожалѣніи, всѣ исчисленныя нами ошибки были очевидны, то меня обвиняли въ томъ, будто бы я спасеніемъ отечества изъ самолюбія, поддерживая истребленію мною главнокомандующаго. Москва и Петербургъ въ это время ставили Кутузова, какъ единственнаго полководца, способнаго спасти имперію. Въ подтвержденіе этихъ сужденій, вы показали, что даже старшинство въ чинѣ надъ вами Тормасова, Багратиона и Чичагова, существенно предвзвѣнее успѣху вашихъ дѣйствій, могло быть устранено назначеніемъ Кутузова въ отечественности были весьма затруднительны. Столица подвергалась опасностямъ и мнѣ оставалось только согласиться съ общепринятымъ мнѣніемъ, по предварительномъ обсужденіи вопроса въ комитетѣ, составленномъ изъ главныхъ сановниковъ имперіи.

«Уступая ихъ мнѣнію, я пожертвовалъ собственными убѣжденіями. Но я хотѣлъ, чтобы вы сохранили возможность оправдать предъ лицомъ Россіи и Европы мой выборъ и доказать, что вы достойны командовать арміею. Я былъ увѣренъ, что вы охотно останетесь при войскахъ, чтобы стяжать вашу доблесть, подобно тому, какъ при Бородинѣ, уваженіе даже вашихъ недоброжелателей».

«Несмотря на всѣ понесенныя вами непріятности, вы должны были оставаться, потому что есть случаи, когда надлежитъ поставить себя выше всего на свѣтѣ (il fallait rester, car il y a des cas, ou l'on doit se mettre au despis de toute chose au monde)».

«Обратимся теперь къ тому, что происходило на театрѣ войны».

Прибывъ въ Вильно 16 іюня, Наполеонъ оставался здѣсь 18 дней, употребивъ это время на собраніе свѣдѣній о краѣ, ибо такъ называемая столитовая карта западныхъ нашихъ областей оказалась наполненною ошибками, въ особенности искаженіемъ названій мѣстныхъ пунктовъ во французскомъ переводѣ, такъ что было невозможно руководствоваться столь невѣрными данными при передвиженіяхъ армій. Кроме того, устройство Ливвы, явры для снабженія войскъ съѣстными припасами заняли вниманіе императора.

Русская армия до 4 июля осталась в лагерь при Дриссе. В это время французские корпусы были расположены следующим образом: Мюрат стоял у Замоши, корпус дивизиона со 2 июля у Дюшицы, гвардия и Сенъ-Сиръ были въ Вильно и ея окрестности. 4 июля, Наполеонъ вывелъ къ Вильно и привелъ въ движение всѣ свои силы, направивъ ихъ концентрически къ Витебску. Только корпусъ Удьяо шелъ отъ Динабурга къ Дриссе. За исключениемъ упомянутого корпуса, 12 июля, французскія войска сосредоточились у Бешенковичей, къ двухъ небольшимъ переходахъ отъ Витебска. Къ счастью, 1 армия двумя днями предупредила неприятеля въ этомъ послѣднемъ пунктѣ, прибывъ туда 11 июля, и такимъ образомъ, избавилась отъ опасности быть отрезанною отъ дорогъ, ведущихъ къ Смоленску и Москвѣ, и отъ армии Багратиона.

Невыгоды укрѣпленнаго лагеря при Дриссѣ, заключающаяся въ томъ, что онъ находился къ сторонѣ, отъ главныхъ путей, пролегавшихъ во внутрь имперіи, совершенно разделивъ 1 армию отъ 2, а въ тактическомъ отношеніи не могъ быть упрочно обороненъ, указали Императору Александру I на ошибочность отступления во фланговую позицію, избранную Фудемъ. Большая часть нашихъ офицеровъ, въ томъ числѣ Барклай, генералъ Наулуца (исправлявшій временно должность начальника штаба 1 армии), полковникъ Мишо, понимали опасность положенія арміи. Мишо, въ первый же день прибытія нашихъ войскъ въ лагерь, довелъ черезъ князя Волковскаго до свѣдѣнія Государя обо всѣхъ замѣченныхъ имъ недостаткахъ этого укрѣпленнаго пункта. Собранны былъ военный совѣтъ, въ рѣшено было оставить лагерь и, по предложенію герцога Александра Вуртембергскаго, поддержанному Барклаемъ, идти къ Витебску: только корпусъ Витгенштейна оставленъ былъ на Двинѣ у Покоевцевъ, для охраненія путей, ведущихъ къ Петербургу.

4 июля, 1 армія оставила Дриссу, 8 прошла черезъ Полоцкъ и 11 июля достигла Витебска. Дни отъ 4 по 12 июля, въ которые враждебныя другъ другу арміи, раздѣляемыя Двиною, стремились къ общему предмету дѣйствій — Витебску, составляютъ, по своимъ послѣдствіямъ, важный эпизодъ въ первомъ періодѣ кампаніи 1812 года.

Намъ кажется, что изложеніе этого времени въ «Исторіи Отечественной войны» не совсемъ разъясняетъ следующие вопросы:

Каковы были причины поздного начала движенія Наполеона къ Бешенковичамъ, тогда какъ всѣ назначенныя для того войска успѣли открыть наступленіе еще 1 июля? Недостатокъ карты не можетъ служить объясненіемъ, потому что съ 16 июня по 1 июля было довольно времени, чтобы ознакомиться со страной отъ Вильно до Витебска.

Въ какомъ образомъ случилось, что, по прибытіи въ Бешенковичи, Наполеонъ не узналъ о современныхъ передвиженіяхъ русской арміи, что доказывалось предпринятымъ имъ рекогносцированіемъ на правомъ берегу Двины? Почему Мюратъ, стоявшій у Замоши до 4 июля, оставленъ былъ въ совершенной бездѣльности, какъ видно, вовсе не слѣдить за передвиженіями русскихъ арміи на Двинѣ?

Вообще медленность движенія французскихъ войскъ, въ эти дни, не обусловливалась ли столпленіемъ 150 тысячъ человекъ на двухъ дорогахъ, ведущихъ къ Бешенковичамъ, о чемъ напоминаетъ Сегюръ?

Единокомандующій 1 арміи находился въ самомъ затруднительномъ положеніи на позиціи при р. Лучесѣ, гдѣ онъ ожидалъ прибытія 2 арміи, накопившейся, по его мнѣнію, на дорогѣ отъ Могилева къ Оршѣ, вслѣдствіе посланнаго княземъ Багратиономъ Височайшаго повелѣнія двинуться къ упомянутому пункту.

Изъ послѣднихъ свѣдѣній о занятіи Могилева княземъ Багратиономъ, о которыхъ даже писалъ Барклай къ смоленскому губернатору, выразилъ готовность, по соединеніи арміи, тотчасъ же перейти къ наступательнымъ дѣйствіямъ, а, между тѣмъ, никакихъ положительныхъ данныхъ, никакого движенія изъ 2 арміи объ этомъ не имѣлось. Отступать отъ Витебска значило предавать войска Багратиона на жертву неприятелю; идти съ 1 арміею фланговою позиціею къ Оршѣ навстрѣчу 2-й Барклай-де-Толли не рѣшился. Въ этихъ обстоятельствахъ, онъ отрядилъ, въ видѣ аррьергарда, графа Остермана (въ 20 верстахъ отъ Витебска) 4 корпусъ Остермана, съ тѣмъ, чтобы замедлить движеніе неприятеля и выиграть время. 13 июля, графъ Остерманъ имѣлъ жаркое дѣло съ корпусомъ Мюрата и въ хитрою дивизію Деллюва, а 14 июля дѣлая дѣло, вѣдывалъ битву Французовъ и къ вечеру отступилъ за Лучесу. Новый авангардъ, подъ начальствомъ Палена, выдвинутъ былъ на лѣвую сторону рѣки.

У Барклая-де-Толли рѣшился принять сраженіе на Лучесѣ.

въ рукописи, известной подъ названиемъ «Изображеніе дѣяній первой арміи», то въ излагаетъ слѣдующія причины пріятельства тогда намѣреян: а) что неприятель еще не успѣлъ сосредоточить къ Витебску всѣ свои войска, б) упорнѣе сопротивлялись нашихъ войскъ въ дѣлахъ 13 и 14 іюля съ Муратовъ ручаюсь за успѣхъ въ бою противъ превосходныхъ силъ, и в) принявъ сраженіе, Барклай отвлекать вниманіе французскаго императора отъ Баграціона, который, пользуясь тѣмъ, могъ удобнѣе сблизиться съ 1 арміею. Между тѣмъ, она могла противопоставить не болѣе 30 тысячъ человекъ неприятелю, вдвое превосходившему насъ въ силахъ.

Къ счастью, къ ночи съ 14 на 15 іюля пришло отъ князя Баграціона извѣстіе о неудачномъ покушеніи его на Могилевъ и о движеніи чрезъ Мстиславль къ Смоленску.

Вслѣдствіе этого, 1 армія смѣстилась съ своей позиціи и отошла сначала къ Порчицѣмъ къ Рудаву, а 20 достигла Смоленска.

Съ своей стороны, князь Баграціонъ, не рѣшившись открыть боевую дорогу черезъ Вилейку или Минскъ, отозвалъ свои войска къ Несвижу, гдѣ они простояли около двухъ сутокъ, отдыхая отъ 16-ти дневныхъ форсированныхъ переходовъ по болотистымъ и песчанымъ дорогамъ въ самое свѣдѣе время года (Аррьергардъ, подъ командою Платова, оставленный въ Мирѣ, дѣлалъ въ это время нѣсколько удачныхъ дѣлъ съ польскою конницею вестфальскаго короля Иеронима, преслѣдовавшаго съ тѣмъ войска 2 арміи, на пространство 200 верстъ, отъ Гредно до Несвина).

28 іюня, русскія войска двинулись черезъ Слудку къ Бобруйску, котораго достигли 6 іюля.

Между тѣмъ, Наполеонъ, недовольный дѣйствіями короля Иеронима, двигавшагося вслѣдъ за Баграціономъ съ небольшою медленностію, по повелѣнію императора, подалъ въ своего брата маршалу Даву. Иеронимъ оставилъ армію, а Даву направилъ всѣ войска его къ Могилеву и Оршѣ и занялъ первый изъ этихъ пунктовъ, 8 іюля.

Узнавъ о приближеніи Русскихъ и желая дать время подтянуться къ Двину оставшимъ силамъ, Даву занялъ крайнюю позицію у деревни Самтадовки, на дорогѣ изъ Могилева къ Старому Быхову.

2 армія двинулась у кр. Бобруйска, доставившей Баграціону

обширную переправу черезъ Березину; затѣмъ войска наши двѣ дивизіонами, выступившими послѣдовательно 7 и 8 іюля, перешли къ Старому Быхову.

10 іюля, главнокомандующій 2 арміею двинулъ передовой корпусъ Раевскаго — къ Могилеву и отгѣснилъ неприятельскій авангардъ на главную позицію, остальные же войска наши расположились у сел. Дашковки. Въ то же время у сел. Быхова устроивалась на плоткахъ переправа черезъ Березину.

11 іюля, 15-тысячный корпусъ Раевскаго атаковалъ позицію при Самтадовкѣ, доступную съ фронта только по двумъ боковымъ дорогамъ, и хоти былъ отбитъ, но своими настоятельными дѣйствіями заставилъ французскаго маршала на слѣдующій день послѣ боя остаться неподвижнымъ, занимаясь укрѣпленіемъ занятой позиціи, въ ожиданіи вторичнаго нападенія Баграціона.

Между тѣмъ, 2 армія, 14 іюля, переправилась черезъ Днѣпръ у Новаго Быхова и, прикрываясь съ стороны Могилева хуторчатымъ брѣвномъ Платова, прошла чрезъ Мстиславль къ Смоленску. Даву не рѣшился идти къ Мстиславлю наперерѣзъ 2 арміи и остановился у Могилева.

Объединеніе 1 и 2 западныхъ армій у Смоленска — имѣетъ авторъ — стоило намъ пожертвованіемъ пространствомъ отъ границы имперіи до Днѣпра и многихъ магазиновъ, доставшихся въ руки неприятелю либо уничтоженныхъ. Но за то потери наши въ войскахъ, при отступленіи, были незначительны, несмотря на то, что 2 армія принуждена была пройти отъ Волковиска къ Бобруйску около 600 верстъ въ 20 дней. Общій уронъ обѣихъ русскихъ армій, за исключеніемъ убитыхъ и раненыхъ, не превышалъ 10 тысячъ человекъ. Такимъ образомъ, отъ достиженія Смоленска, въ войскахъ Барклая-де-Толли и князя Баграціона было 120 тысячъ человекъ, и, кромѣ того, на Днѣпрѣ 20 тысячъ и на Волынѣ 30 тысячъ человекъ, слѣдовательно до 175 тысячъ, не считая гарнизоновъ Риги и Бобруйска и резервнаго корпуса Эртеля.

«До соединенія нашихъ армій подъ Смоленскомъ, русскія войска хоти ждали боя, однако же, терпѣливо сносили постоянное отступленіе. Но когда наконецъ совершилось столь долго ожидаемое сосредоточеніе силъ, то всѣ въ нашей арміи, отъ генерала до солдата, были увѣрены въ наступленіи дня кровавой расплаты за разрушеніе родной страны, и даже ближайшіе

сподвижники Барклая-де-Толля, князь Багратионъ, Ермоловъ, Толь, были убѣждены въ необходимости рѣшительнаго сраженія и не сомнѣвались въ успѣхѣ. По собраніи же нами, въ то время, не вполне точнымъ свѣдѣніямъ, Наполеонъ имѣлъ противодѣйствія нашимъ 120 т. человекъ не болѣе 150 т. человекъ. Такое превосходство неприятельскихъ силъ надѣялись вознаградить самоотверженіемъ русскихъ войскъ. Къ тому же, французская армія была растянута на значительномъ пространствѣ и могла быть разбита по частямъ. Защита Смоленска, одного изъ важнѣйшихъ пунктовъ государства, требовала боя, и дальнѣйшее уклоненіе отъ него оказало бы самое вредное вліяніе на духъ войскъ, тѣмъ болѣе, что въ 1 арміи, съ самаго начала войны, вѣстия о дѣйствіяхъ другихъ частей войскъ послыли чрезвычайное соревнованіе. Засада Шлатова при Мирѣ была, въ общемъ мнѣніи, блистательнымъ подвигомъ: дѣло при Салтановкѣ считалось побѣдою, проложившею Багратиону путь къ Смоленску; успѣхи Тормасова и Витгенштейна представлялись отступающей арміи въ увеличенномъ видѣ. Все это послужило къ возбужденію войскъ, но, при дальнѣйшемъ уклоненіи отъ боя, могло повести къ упадку духа и поселить недоувѣренность къ главнокомандующему. До тѣхъ поръ, пока ему не удалось соединиться съ Багратиономъ, онъ могъ набѣгать рѣшительнаго сраженія; но коль скоро соединились арміи, то Барклаю, при всей меноколебимости его, увлеченному общимъ порывомъ, не оставалось ничего болѣе, какъ сражаться, несмотря на значительное превосходство силъ неприятельскихъ.

Изъ 450 тысячъ войскъ большой арміи, перешедшихъ въ июнѣ, черезъ Неманъ и Бугъ, за исключеніемъ корпусовъ Македонскаго и Удина, дѣйствовавшихъ на Двинѣ противъ Витгенштейна, Ренне и Шварценберга, отраженныхъ на Волынѣ противъ Тормасова, остальные силы Наполеона расположились по квартирамъ на пространствѣ между Суражемъ и Могилевомъ, въ числѣ до 200 тысячъ, потерявъ, въ теченіе полугода и мѣсяца, не менѣе одной трети своего наличнаго состава.